

ИСТОРИКУМ

МОЗАИКА ВРЕМЕН

Алекс Громов
Глеб Гусаков
представляют

Белова Белоусова Белянов Бор Васильев Володихин Гидра Громов Гуларян Дашков Калининно
Нигит Рыженкова Рюриков Савеличев Сарсенова Толкачев Томах Удалин Чебаненно Шатохина

Антологии (Снежный ком)

Андрей Дашков

Историкум. Мозаика времен

«Снежный Ком»

2019

Дашков А. Г.

Историкум. Мозаика времен / А. Г. Дашков — «Снежный Ком», 2019 — (Антологии (Снежный ком))

Принято считать, что эксперименты в истории невозможны, потому что их нельзя повторить. И вообще, история не знает сослагательного наклонения. А если все же попробовать? Впрочем, вполне возможно, что перед нами предстанут не разные ветви и варианты одной-единственной истории, а бесконечное множество историй принципиально разных. В антологии собраны произведения, которые демонстрируют, как именно история меняет свое течение, выявляет истинное лицо событий и их персонажей, скрывая навсегда имена, мотивы, города и страны.

© Дашков А. Г., 2019

© Снежный Ком, 2019

Содержание

Мозаика возможного	6
Алексей Рюриков	6
Вместо эпилога	18
Артём Гулярян	21
Сергей Удалин	37
Татьяна Белоусова	51
Сергей Беляков	57
Сергей Чебаненко	70
1	70
2	71
3	72
4	73
5	75
6	77
7	79
8	79
9	80
10	81
11	81
12	83
Юлия Рыженкова	85
Алексей Толкачёв	96
Татьяна Кигим	107
1	107
2	111
3	118
Михаил Савеличев	125
Мозаика невозможного	141
Дарт Гидра	141
Алекс Бор, Алиса Белова	153
Часть первая	153
Часть вторая	159
Эпилог	164
Андрей Дашков	165
Дмитрий Володихин	187
Владимир Васильев (Василид 2)	211
Татьяна Томах	234
Николай Калиниченко	244
Алекс Громов, Ольга Шатохина	257
Контакт! – Есть контакт!	257
Перспективы познания	258
На помощь придёт помощник	259
Абориген – это звучит гордо	261
В Доме Галактической культуры	263
Ракеты!	265
Миссия: вокруг и около	267

Вопросы и монументы	269
Чей гуталин лучше	271
Навстречу русалкам	273
Документальный постскрипtum	274
Карина Сарсенова	276

**Михаил Савеличев, Артем Гуларян,
Сергей Удалин, Татьяна Белоусова, Сергей
Чебаненко, Юлия Рыженкова, Алексей
Толкачев, Татьяна Кигим, Алекс Бор,
Андрей Дашков, Дмитрий Володихин,
Татьяна Томах, Николай Калиниченко**
Историкум
Мозаика времен
Сборник

Мозаика возможного

Алексей Рюриков

«...а паче тех воровских моряков встретишь...»

18 января 1727. Санкт-Петербург

Меншиков вспоминал. Тогда, ровно три года назад, ничто, казалось, не предвещало беды. Он, во всяком случае, ничего такого не чувствовал – день как день. Ближе к вечеру явился к государю, как обычно влетел в кабинет...

«И чего он взбеленился? – в который уж раз за эти годы подивился про себя Александр Данилович. – Ведь ничего ж не было! Ничего же этакого вот, особенного! К бабке не ходи, снаушничал кто-то. Знать бы кто...»

Князь тяжело поднялся с удобного, оставшегося в доме с тех ещё, с доопальных времён, кресла, зябко передёрнул отвыкшими от питербурхских холодов плечами, подошёл к камину и протянул к решётке руки.

«Ведь как я зашёл – немедля начал тростью охаживать, мин херц вражий. Только от тумачков оклемался – за воротник, да казнокрадом, да мерзавцем честить, да матерно потом облаял».

В душе Светлейший с «казнокрадом», в общем-то, не спорил. Но вот остальное его удручало и посеячас. Нет, прости его тогда Пётр, как нередко за многие проведённые рядом годы прощал, избив и облаяв сгоряча, Александр Данилович забыл бы услышанные оскорбления через минуту. Или будь государь жив, чтобы можно было как раньше, в молодости, доложить о лихой аванюре и услышать заветное: «Ах ты ж, архиплут, но ведь молодец, Алексашка!»

Но Пётр I, прозванный ещё при жизни Великим, умер два года назад, и простить бывшего при нём с юных лет Алексашку уже не мог. И это князя злило больше всего, поскольку выходило так, что подвиги последних трёх лет, а стукнуло нынче Меншикову пятьдесят три

года, не оголец босоногий, напрасны. Не перед кем ими теперь похвалиться, да и преподнести достигнутое некому.

«Некому... – снова подумал князь, согреть ладони. – Да и... да и незачем теперь, уж минувшего-то не воротить. Был бы жив мин херц, за таковское удалство – всё бы вернул. А нынче...»

Мысли снова сбились на воспоминания.

«Всех же чинов, имений, всех наград лишил, а? И ведь сразу я беду почувствовал, сразу. Как увидел, что Алексеич после лая, вместо буйства своего обычного, вторую трость, с камнями зелёными, эдак вот вертит, смотрит – аж лёд по костям, и говорит негромко, задумчиво:

– Станок, слышь, у меня токарный сломался.

Стано-ок... Никогда он так до того не разговаривал. Если бы второй тростью колотить начал – то понятно, привычно. Кричал бы, собачился. А то – мирный такой, рассудительный. Думал, смерть уж моя пришла, а нет...»

Он поднял руки от огня, поднёс к лицу, зачем-то посмотрел на узкие, всё ещё сильные пальцы и вернулся за стол. Вспоминать дальше. Время ещё было, встреча назначена на поздний вечер.

«Остров этот придумал. Ну, при чём я к Магада... Магда... тьфу! До сих дней выговорить не могу это слово проклятое! Ладно, хоть возглавить поход поручил. Мог и на плаху, у него оно споро выходило».

* * *

Светлейший князь, в прошлом фельдмаршал и президент Военной коллегии, кавалер орденов, владелец поместий и десятков тысяч крестьян, ближайший сановник и друг императора так никогда и не узнал причину своей жесточайшей за всю проведённую рядом с Петром I жизнь опалы. Наушники тут были почти ни при чём – так сложилось. Или звёзды сошлись, или карты упали, или просто – судьба. Как говорили встречавшиеся Александру Даниловичу в странствиях индусы, карма.

В тот печальный для Светлейшего день, 18 января 1724 года, у российского императора и впрямь сломался станок. Пётр Алексеевич под старость забавы токарной не бросал, и поломка препаршивейшее настроение на весь день ему обеспечила. Когда же час спустя царь прочитал доклад Тайной канцелярии о том, что императрицу Екатерину Алексеевну и Меншикова связывают отношения более чем дружеские, он вконец рассвирепел. Повелев Алексашку, паче явится, звать немедленно, самодержец принял за следующую депешу. Ею оказалось донесение шаутбенахта Якоба Вильстера, посланного осенью с двумя фрегатами в Мадагаскарскую экспедицию, приводить остров под российский скипетр и искать «пиратское царство», кое, по слухам, на острове том имелось и даже несколько лет тому отряжало послов в соседнюю Швецию, просясь к тамошнему королю Карлу XII под покровительство. Вильстер, появившийся в Санкт-Петербурхе три года назад, до того воевал и на стороне шведов, и против них, бывал на русской службе, ходила молва – не преминул погулять и флибустьером под вольным флагом, – в общем, был моряком опытным и человеком многознающим. Он и поведал о неудавшихся шведских путешествиях к Мадагаскару. И описал Петру обстановку в тех краях, насколько сам знал. Знал, впрочем, немало, знакомцев среди джентльменов удачи у голландца хватало. Написанный шаутбенахтом доклад, посвящённый пиратам Индийского океана и их связям со шведским двором, император прочитал внимательно.

– В Индию нам путь нужен! – объяснял он осенью президенту Коллегии иностранных дел Головкину. – Через Хиву Бекович пробовал, не вышло, в Джунгарию ты посылал, в Персию – везде афронт. А как англичане с голландцами делают?

– Как?

– А морем, Гаврила! – заревел Пётр. – Морем! Вокруг Европы с Африкой! Вот тут нам Мадагаскар и потребен! Там фортецию заложить да губернию заморскую основать. А уж с острова сего, где у нас порт и магазины для войска будут, можно и к Индии дорожку торить...

Теперь же, поставленный во главе похода к далёкому острову, Вильстер сообщал о том, что отплытие срывается. Пётр ещё раз яростно пробежал глазами послание. На словах: «а выделенные для сего аванжа фрегаты отправлены из Ревеля в великой конфузии, трудно и поверить, что морской человек оные отправлял...» – он прервался, отшвырнул документ и... и тут в кабинете появился Меншиков. Одно из прогневавших государя обстоятельств вполне могло сойти ближайшему, самому давнему другу с рук. И даже два. Но все три вместе, да ещё так не вовремя...

* * *

Экспедиция была собрана и отправлена Меншиковым уже через две недели. Прощальный рык Петра: «...а паче Мадагаскара на шпаге не привезёшь – под топор ляжешь!» стоял у бывшего фаворита в ушах и годы спустя, а уж ускорение подготовке придал и вообще ни с чем не сравнимое. Насчет плахи обещания императора расходились с делом редко.

У бывшего теперь Светлейшего князя, впрочем, тоже – эту науку он перенял от сюзерена прекрасно. Адмирал Вильстер диву давался – до приезда князя сборы шли неторопливо, а тут... С тех пор к заставившему забегать как пришпоренных всех, от юнги до капитана порта князю Александру голландец относился с большим почтением.

* * *

«Думали – сгину? – продолжал вспоминать вернувшийся недавно в Россию сановник, разъярясь мысленно на неведомого наветчика, вызвавшего три года назад гнев царя (а в том, что без наущничества не обошлось, он не сомневался). – Ан не вышло! Не такой человек Александр Данилович Меншиков!»

Он отлично знал Петра и тогда, в императорском кабинете, явственно уразумел: плавание к Африке – единственная надежда на спасение. А удачное – и на возвращение близости к государю. Он, как когда-то в заливчатской молодости, твёрдо поставил себе пройти любые океаны, но заслужить прощение Петра Великого. Выход князь знал один: поклониться царю этим бесовским островом Мадагаскаром.

Оба корабля, выделенные эскадре, еле дошли до Голландии. В Амстердаме от начальных команд осталась хорошо, если половина, но князь сделал всё, что требовалось. Меншиков купил на собственные деньги (крутилось у него на голландской бирже весьма весомое, в переводе на золото, кое-что) два новых фрегата, названные им «Надежда» и «Индия», добрал команду из голландцев, немцев и нескольких датчан, добрался до Мадагаскара, где заложил русский форт, названный пышно «град Петрополь». Губернатором колонии он назначил капитан-лейтенанта Мясного. Но спокойнее от всего этого не стало.

Меншиков был умным и опытным человеком, и ещё в самом начале понял – сам по себе заложенный форт на далёком острове долго не протянет. Людей, которых можно было бы там поселить, у него практически не было, рассчитывать на помощь из России не приходилось. Вернуться, преподнести Петру заморские земли, а после плавания следующей экспедиции узнать о разорении крепости, он не хотел.

Светлейший был уверен: вернись с победой, распиши свои успехи как следует (а это он умел, да и царя понимал лучше других) – и прощение обеспечено. Даже если следующее плавание покажет, что удача была призрачной, неважно. К тому времени всё успокоится. Но... Меншиков, при всём своём своекорыстии, расхищениях казны, мошенничествах и мздоимствах, был человеком государственным, преданным Петру I и России беспрекословно.

Такое уж было время, верность родине и государю, беззаветная отвага и доблесть в сражениях, отлично сочетались в «птенцах гнезда Петрова» с корыстолюбием и казнокрадством. Впрочем, когда и где они не сочетались?

Задумался над решением этой головоломки Александр Данилович ещё в Ревеле, лишь поднявшись на борт и переговорив с Вильстером. В Амстердаме он нашёл и сманил в команду двух немцев-рудознатцев (один, правда, оказался шарлатаном из студентов-недоучек, что не помешало ему сначала стать судовым врачом на одном из новых судов, а ещё позже – получить смертельный удар ятаганом в абордажной свалке на арабском доу), мастера-оружейника, поклявшегося, что сумеет наладить починку, а если найдётся железо – так и изготовление ружей, троих подмастерьев-строителей.

Но это было только началом. Меншиков не очень верил в «пиратское королевство», а расспросы Вильстера и других знающих офицеров-иностранцев его в том сомнении лишь укрепили. Но в Голландии князь узнал и другое – время было выбрано Петром удачно.

* * *

Он снова прошёлся по комнате, пододвинул к камину кресло, раскурил набитую слугой-негром трубку и опять погрузился в прошлое.

Голландия... Он помнил, как в припортовом «чистом» трактире с простым названием «Под якорем», где собирались солидные купцы и капитаны кораблей, старый компаньон, служивший доверенным лицом в его денежных делах за границей, Ван Койперс, свёл князя с капитаном одного из только что вернувшихся из Индии кораблей. Ван Койперс затею с плаванием русских к берегам Африки не одобрял, но привычен был к тому, что все затеянные Меншиковым предприятия оборачивались недурственными комиссионными. И в надежде на свои проценты помогал со всем усердием.

– Я слышал, есть неплохие стоянки на острове Мадагаскар? – поинтересовался тогда у приведённого компаньоном капитана Светлейший. – Но, кажется, там грозит опасность от лихих людей?

– Вы правы, герр Александер, – отозвался пятидесятилетний Ван Винк, последние семь лет проплававший в тех краях. – На Мадагаскаре полно удобных бухт, есть даже несколько поселений. Но и пираты там встречаются. Англичане и испанцы вытеснили их с Карибов, и многие ушли в Индийский океан.

Капитан пригубил очередную кружку с глинтвейном, хмыкнул и добавил:

– Однако с вашими фрегатами опасаться нечего. У флибустьеров в южных морях редко бывает больше одного корабля, это не Береговое братство Тортуги. На вас они нападать не станут, – тут Ван Винк, ухмыльнувшись, подмигнул Александру Даниловичу, которого почтенный амстердамский делец Ван Койперс представил ему как русского командора, и доверительно добавил: – Ну, разве что захотите отнять добычу.

Капитану казалось, что он делает правильный вывод: два хорошо вооружённых русских фрегата, команда, в которую прекрасно известный ему Вильстер вербует отборных головорезов, расспросы об Индии.

«Кажется, русские решили погулять на юге, – подумал голландец. – Не сомневаюсь, что в сундуке у этого „командора Александра“ – явно вымышленное имя – лежит и каперский патент. А заодно разведать новые земли, лавры Дампира покоя не дают, поди. Но коль уж

его привёл Койперс, знать, и наши тут в доле, наши своего не упустят. И то верно – пусть московиты там пощиплют. От того нам хуже не станет».

Меншиков на подмигивание внимания не обратил. Он был уверен – Ван Койперс своё дело знает, болтуна не приведёт и сведения, услышанные сейчас, наиболее свежие и точные во всём Амстердаме. Про то, что на юг подалось немало вольных охотников из Карибского моря, он уже знал, сейчас его интересовал именно Мадагаскар.

– И всё же, герр Винк, – вернул он собеседника к предмету разговора, – мне хотелось бы узнать...

– Да чего там знать! – перебил его морской волк. – Ваш Вильстер знает всё не хуже меня, тоже мне... Извольте: как Лондон назначил губернатором Багамских островов Вудса Роджерса, тот начал давить флибустьеров. Человек пять сдались под амнистию, с командами, а остальные отправились кто куда. Это лет шесть тому было. Тогда многие в Индийский океан ушли. Ле Буше, Инглэнд, ещё другие. Вот с тех пор все и идут. В основном все стремятся к Красному морю, там ходит много индусов и арабов, нетрудная добыча для тех, кто брал на абордаж испанские галеоны. Но в тех краях на островах либо нет воды... либо есть французы, – капитан раскатисто захохотал своей шутке и продолжил: – Ну, иногда не французы, а воинственные дикари с копьями... впрочем, по сути, это одно и то же, – и он снова залился смехом.

Отсмеявшись, заговорил серьёзно:

– Иногда пираты останавливаются на Сокотре, Коморах, Сейшелах, но это неудобно. Выгодней спуститься к югу и отстояться на интересующем вас острове. Там, конечно, не Порт-Роял, но есть посёлки с белыми, да и прибрежные племена спокойно относятся к торгу с моряками. Можно и отремонтироваться, и набрать воды, купить провиант. Да и немного погулять на берегу, мальгашки, конечно, несравнимы с француженками, но после долгих месяцев в море – сами понимаете.

– А туземцы как на это смотрят? – заинтересовался Меншиков.

– Как заплатишь – так и посмотрят, – снова заржал моряк. – Хороший нож – и муж туземки будет охранять, чтоб вас с ней никто не потревожил в хижине, всё время стоянки.

– А откуда там белые? – спросил до того молчавший Ван Койперс. – Там ведь нет ничьих колоний?

– Так и белые те ничьи, – пожал плечами капитан. – Люди с Карибов пришли на Мадагаскар ещё лет десять назад, и там, по слухам, уже были вольные стоянки. В тех водах ещё Эвери с Киддом да Миссоном ходили, сколько уж лет прошло? Кроме того, там плавают достаточно англичан и наших – голландцев, которые поменяли карьеру служащих Ост-Индских компаний на свободную охоту. Вы же знаете, Компания платит немного, а жизнь в колониях не сахар. Ну а промысленный прибыль надо ведь где-то обменять на монету. Да и припас прикупить – порох, ядра и прочий товар. То есть нужно место, которое известно и охотникам за удачей, и не очень деликатным купцам. Хотя где вы деликатного купца видели?

– И это место – Мадагаскар? – спросил русский. – Но ведь тогда, получается, о том, что там собираются разбойники, должны знать многие? Иначе как купцу и пирату встретиться?

– Конечно, – охотно согласился Ван Винк. – Все знают. А чтобы встречаться, на острове как раз несколько факторий есть. Таких, знаете, своеобразных. Без флага. Через них можно восточку передать, о randevу сговориться. Иной раз и товар какой хранят, но это редко – опасно без присмотра оставить. Года три уж как поселения ожили, дома строят, крепостцы. Торговлишка идёт – и не только христиане, и с Занзибара приходят, и из Персидского залива, и с Маскарен.

– Но если все знают, – не понял Александр Данилович, – почему ж им до сих пор укорот не сделали? Хоть английский флот, хоть другие короли? Ежели там гнездо разбойное, изведенное? Ведь купцам, небось, убыток?

Голландцы несколько удивлённо переглянулись, Ван Койперс, слегка улыбнувшись, пожал плечами, но ответил капитан:

– Вы, герр командор, не понимаете. Купец, он тоже иной раз, если, скажем, в море одинокого индийца встретит, или там... – он прервался, пожевал губами и выговорил обтекаемо: – или там ещё кого. Вот если, скажем, такая встреча выпадет, то может так закончиться, что встречник ко дну перейдёт, а груз его, напротив, к купцу. Но такой груз ведь тоже надо продать не в своём порту, разумеете?

– Понимаю, – согласился Меншиков. – Дело обыденное. Но...

– Да и деньги там большие ходят, – не дал себя прервать голландец. – Очень большие. Недавно Ле Буше и Тейлор взяли семидесятипушечный линейный корабль португальцев, а на нём плыл бывший вице-король Гоа, Эришейра, вёз казну и камни. Последнему палубному матросу при дележе досталось не меньше тысячи фунтов стерлингов, вообразите!

– Славный куш, – задумчиво кивнул князь.

– Ну а где такие деньги – там купцу никак убытка не может приключиться. Только наоборот.

– Ну, это ладно, – логику моряка Меншиков понял. Как золотые кружочки избавляют от необходимости соблюдать законы, он знал куда лучше рассказчика, мог бы и поучить при случае. Но сомнения оставались, и он спросил снова:

– То купцы. А короли-то?

– А чего короли? Про эскадру Мэтьюза слышали?

– Нет.

– Два года назад англичане послали Мэтьюза, он был в вашем чине, тоже командор, с четырьмя кораблями на помощь Ост-Индской компании. Уничтожить пиратство на Мадагаскаре, Бурбоне и в Красном море. Я тогда как раз ходил из Капштадта в Сурат и знаю всё не понаслышке. Думаете, Мэтьюз объявился на Мадагаскаре? Он что, дурак, по-вашему? Не-ет, он немедленно пошёл в Бомбей! Там поучаствовал в экспедиции против Англии, попытался перехватить торговлю Сурата с Кантоном, да не вышло, хе-хе.

Капитан, улыбаясь каким-то своим воспоминаниям, раскурил принесённую трубку, но углубляться в интригу не стал, а повёл повествование дальше:

– На Мадагаскаре он всё же потом появился. В бухте Сент-Мари как раз пираты посадили на мель несколько призов, тащили с кораблей кому что нужно и спешили обратно в море – сезон в разгаре. Англичане, увидев на берегу фарфор, пряности, шёлк, поставили рядом белый флаг в знак того, что воевать с пиратами не будут, и включились в грабёж.

– А пираты на это что сказали? – не понял Светлейший.

– А что тут скажешь? Да там и оставались-то немногие, остальные уже ушли. Это земли Плантена, он вроде как присматривать за складом должен был. Только что он делает, на самом берегу-то? Плантен пригласил британцев в гости, пир устроил. Мэтьюз ему даже запасы одежды продал, ром, вино.

– Кто такой Плантен?

– Бывший пират. Ходил с Инглэндом, болтают даже, чуть ли не с Эвери. Потом у мальгашей участок купил и в бухте поселился. Для пиратов и купцов он как раз служит почтовым ящиком, посредником и советчиком. Его там называют «король бухты».

– Король? – не утерпел Меншиков. – А там есть какое-то пиратское королевство? Или община какая сплочённая?

– Нет, – пожал плечами капитан. – Откуда? Вольные корсары меж собой сходятся редко.

– Я слышал, какие-то тамошние моряки посылали к шведам, просились под руку их короля?

– А-а, знаю, – кивнул пожилой моряк. – Каспар Морган измыслил. Это капитаны флибустьеров лет десять назад собрались и хотели новую Тортугу устроить. Отдаться под флаг шве-

дам – они далеко, но король у них был воинственный, мог при случае в Европе за них слово молвить, грамоты каперские выдать... да мало ли пользы? Ну а проверять их не мог, из Стокгольма-то. Только подношения посылай иной раз. Неплохая задумка, но сорвалось почему-то.

– А почему?

– Не ведаю. Карл-то, король, он же вроде с вашими воевал тогда? Может, не до того было, может, ещё почему.

«Не до того», – подумал, в душе усмехаясь Меншиков. Он-то знал, что после разгрома под Полтавой, в 1709 году, Карл бежал к туркам и в Швецию вернулся лишь через пять лет. В Стокгольме посланник пиратов, тот самый Морган, появился в 1718 году, Карл успел подписать ему грамоту на чин шведского наместника, но дальше дело не двинулось – в ноябре того же года Карл XII погиб.

– А что, задумка-то эта, она и впрямь могла солидным делом обернуться? – любопытствовал он.

– Пожалуй, и могла, – рассудил Ван Винк. – Почему нет? А что?

– Да так, интересно. Я же сам со шведами воевал и под Полтавой был, когда их разбили, – ушёл от разговора князь. – А что там с Мэтьюзом дальше было?

– Дальше просто, – не стал настаивать капитан. – После пира Мэтьюз с Плантенем повздорил, даже стычка была. А потом эскадра ушла в Калькутту. Что было дальше, не знаю, я отплыл в Амстердам. Вот примерно так с пиратами борьба у всех и идёт, – подытожил рассказчик. – Кто за ними гоняться будет, когда вместо этого разбогатеть можно?

Меншиков задумался. Сведения были интересными и сулили его экспедиции главное – людей, корабли, деньги. И рассказ о том, что сражений с военными кораблями других стран можно практически не опасаться, его порадовал.

* * *

Светлейший князь не знал и не мог знать, что обстановка складывалась ещё лучше. Как раз в то время, когда он собирал сведения в Амстердаме, Мэтьюз, разбогатевший к тому времени больше самого удачливого пирата, отплыл в Англию. После его возвращения на британское адмиралтейство обрушится поток жалоб, коммодор будет отдан под суд, отведёт почти все обвинения, но всё же будет приговорён к штрафу в огромную сумму – двадцать пять тысяч фунтов стерлингов. Мэтьюз выплатит её, по слухам – выплатит столько же судьям и лордам адмиралтейства, чтобы уйти от более серьёзных обвинений, на всё это его добычи хватит, после чего продолжит службу во флоте. Но директора Ост-Индской компании рейд его эскадры запомнят надолго, и двадцать лет после этого будут наотрез отказываться от посылки королевских кораблей в Индийский океан. Лишь в 1744 году, после начала войны с Францией, компания согласится с прибытием королевского военного флота. И то с огромным неудовольствием. Торговцы Ост-Индской компании предпочтут опасность пиратских нападений, для них это окажется куда менее разорительным.

Тогда, в Амстердаме, Александр Данилович этого знать не мог. Но и полученных известий ему хватило. Заручившись несколькими рекомендациями, он отплыл к Мадагаскару.

* * *

Уже выходя из голландского порта, князь примерно представлял, как ему надлежит действовать. Меншиков задумал не просто плавание. Нет, он мыслил шире, в стиле начинающегося авантюрного века. Князь собирался преподнести выгнавшему его из России царю сильную и богатую колонию.

Сейчас, три года спустя, в Петербурге, он вспоминал свои тогдашние думы и был уверен – он всё сделал правильно. Пётр бы одобрил.

«И ведь получилось всё. Прав был Пётр Алексеевич, ан и я прав вышел. Воровские моряки истинно те края насмотрели. Грабить там есть кого – и Африка рядом, и басурмане плавают, и португальцы, голландцы, англичане, французы... А вот королевства у них не имелось. Это я угадал. Но под русский скипетр их справить было не трудным делом. Как Ван Винк и говорил: русский флаг и каперские патенты, да ещё и крепость заложили, порт для стоянки и ремонта появился. Да купцам для встреч и амбаров место, почитай, нашлось. В остроге, иной раз и постоянный склад ставить можно. Комендантом Мясной дельным оказался, враз понял – тут строгости законов и быть не может, тут вольница. Запорожская Сечь, только морская».

Именно Мясной, первым вникнув в мысль командующего экспедицией, предложил брать под покровительство не только европейских флибустьеров, но и местных – арабских, индийских. Светлейший помнил, как тот горячился на совете:

– Да ведь на Руси-то – и татар, и башкир, и ногаев с якутами зачисляем! Те же ведь басурмане некрещёные, даже и куда как дикие. А к нам сейчас и с Малабара самого под руку просились, и с Маската два гораба разбитых дошли. Почто не принять?

– Да ты не горячись, – усмехнулся тогда Александр Данилович. – Не горячись, можно и принять. Только как они с англичанами теми ж в одном порту будут?

– А что в порту? Пусть даже и подерутся матросы – обычное дело.

Меншиков согласие дал, наказав лишь «язычников и исламов, в подданство российское перейти желающих, к принятию веры Христовой склонять неустанно, но не неволить, а токмо ласкою да уговорами сей дискурс вести».

Князь, разобравшись в том, что представляют собой Ост-Индские компании в Англии, Голландии, Дании, оценил выгоды, открывающиеся от учинения такой же русской. Разумеется, в числе главных пайщиков он видел себя и, откровенно говоря, тогда ещё не решил – будет ли то действительно работающее предприятие, или лучше, собрав под сулимые барыши капитал, прикарманить деньги без долгих затей. Но он чётко понимал – в любом случае, требуется привезти на родину не просто описания мадагаскарских земель, но золото. Да, Светлейший верил в прощение Петра. Но видел и другое – за время отсутствия все его имения раздадут, и пожаловать их назад не сможет даже царь. А вернуться следовало в блеске не только славы, но и состояния, по-иному он, один из тщеславнейших людей своего времени, не желал. Мадагаскар в этом помочь не мог. А вот два новых фрегата...

* * *

Первый раз он запомнил навсегда, в подробностях. Через два дня после выхода из голландского Капштадта, где взяли провиант и воду, в каюту ворвался ставший за время плавания задушевым другом и верным собутыльником Вильстер.

– Парус на горизонте!

Александр выскочил на палубу, схватил подзорную трубу, углядел в волнах сначала две мачты с прямыми парусами, а потом и флаг.

– Португал, – бросил он столпившимся вокруг офицерам.

– Как есть португал, – хриплым басом согласился штурман, взятый в Амстердаме голландец, приятель Вильстера.

Меншиков обвёл своих людей взглядом и вдруг почувствовал, что окружающие его моряки, включая, что странно, даже отправившихся в экспедицию русских, до того дальше Гот-

ланда не выходявших, чего-то ждут. Что-что, а распоряжаться людьми князь за свою нескучную жизнь научился отменно, и потому, не вполне ещё понимая, в чём дело, вновь, выигрывая секунды на размышление, приложил трубу к глазу, а потом изрёк в пространство:

– Нашим курсом идёт, португал-то.

Подождал, не дождался ничего кроме согласного сопения, и продолжил:

– Куда ж его, болезного, ветром влечёт, любопытно?

– Так известное дело, – мгновенно ответил штурман. – Коли бриг, так не иначе к Берегу Индиго идёт, на форт Мозамбик. За чёрным деревом.

Рассказы голландцев в памяти всплыли мгновенно. Князь помнил, что «чёрным деревом» называли негров, обращённых в рабство. Но помнил он и другое:

– А почему он на восток идёт? Рабов ведь на западном берегу берут?

– Это в Америку на западном, – охотно разъяснил другу Вильстер. – А с восточного берега в Ост-Индию. А может, в Бразилию – там, чай, португалыцы те же.

– Ромом, верно, загружен, – мечтательно произнёс штурман.

– Ромом? – Светлейший вспомнил, что в Африке за рабов расплачиваются чаще всего оружием и спиртным.

– Ружья и ром нам не помешали бы, – протянул Вильстер.

Меншиков понял. Голландцы были с Лиссабоном на ножах издавна, и команда, часть которой уже погуляла по морям, а другая – наслушалась их повествований, не видела ничего странного в том, чтобы прибрать португальца к рукам. Тем более, за южной оконечностью Африки.

«А что? – загорелся мыслью Александр. – Проверим, на что мои молодцы способны? Коль решил на воровских моряков опираться, надо, чай, и самому ремесло попробовать... да и скучно в этом море чёртовом!»

– Передайте на «Индию» – атакуем, – приказал он Вильстеру и, убирая трубу, рявкнул повеселевшим голосом: – Орудийную палубу к бою! Мушкетёров – на ванты, как сойдёмся – огонь по палубе!

Бриг догнали быстро – куда ему от новых фрегатов уйти? Дав пару пушечных залпов по рангоуту, приблизились с двух сторон на мушкетный выстрел, потом абордаж...

Когда всё было закончено и квартирмейстер, обследовав захваченный корабль, доложил, что гружён он и впрямь ромом, фузеями, табаком, а також железом и порохом – по-видимому, для Мозамбика, и гружён неплохо – тысяч на сорок ефимков, Меншиков, распорядившись оставить призовую партию на судне и вести бриг в составе эскадры, впервые почувал: будет дело. Первый успех не то чтобы вскружил ему голову – опальный вельможа отлично понимал все сложности своей задачи. Но, имея отменный нюх, который оттачивался долгие годы рядом с совершенно непредсказуемым Петром, он, без участия рассудка, почувствовал: успех близок.

* * *

С тех пор это чувство его не покидало. Именно этим чувством, наделявшим его неудержимой, яростной уверенностью, он объяснял свою удачу в переговорах с упоминавшимися в Амстердаме Плантемом и Ле Буше, в прошлом именитым вожаком пиратов, после ограбления вице-короля Гоа решившим отойти от дел и поселившимся на французском острове Бурбон.

Впрочем, объяснить согласие влиятельного и знаменитого экс-пирата перебраться на Мадагаскар в чине вице-губернатора российской колонии и привлекать к чаемому порту своих бывших знакомцев, проще, пожалуй, тем, что французские власти, опасаясь Ле Буше к тому времени переставшие, посматривали на поместье и круглое состояние бывшего предводителя джентльменов удачи с вполне понятным чувством зависти и вожделения. И не зайти на Бурбон русская эскадра, предводитель которой имел к бравому французскому искателю приключений

рекомендательные письма, – быть отставному корсару арестованным и повешенным, а имуществу его – оказаться в руках островных чиновников.

Потом был переход к цели плавания, Мадагаскару, переговоры с «пиратским посредником» Плантенем, основание в бухте Сент-Мари крепости Петрополь. Были рейды в Красное и Аравийское моря, к берегам Африки и Индии, штурмы прибрежных городов и абордажи, переговоры с вождями мальгашских племён, туземными купцами и европейскими колониальными чиновниками, выдача каперских и офицерских патентов «воровским морякам» разных национальностей и цветов кожи... Пожилой сановник, улыбнувшись, вспомнил первый разговор с тем самым Плантенем:

– ... титул? – удивился тогда старый головорез. – Вы говорите о дворянском титуле?

– Сие возможно, – пожал плечами Меншиков. – Я сам из семьи торговца, а поглядите – светлейший князь Ижорский и князь Римской империи. Российское дворянство и чин майора я вам могу обещать непреложно, а вот кавалерство и титул повыше следует, как вы понимаете, заслужить.

– Чёрт, это звучит привлекательно! Вы слышали о Моргане? Не Каспаре, он погиб у Маската, другом – Генри?

– На Карибах? Да, слышал.

– Он получил рыцарский титул и назначение вице-губернатором Ямайки... ну что ж, пожалуй, я приму предложение императора Петра.

Плантен же растолковал ему всё и по интересовавшему бывшего владельца тысяч крепостных вопросу о работоторговле.

– Рабы? Да, это хорошее занятие.

– Но негров надо ловить? Уходить от корабля в глубь континента?

– Вовсе нет, – захохотал бывший пират. – Торговцы покупают «чёрное дерево» у туземных вождей на берегу, в обмен на ром, порох, табак и другие товары. Можно торговать в факториях, это Аккра, Лагос, Луанда, Малембо, Кабинда, Бенинский залив. Или с корабля, но тогда нужно ждать самое меньшее три месяца, рейдируя вдоль побережья, пока вожди захватят нужное количество. Конечно, – введливо отметил Плантен, – и цена тут выходит поменьше. Коли уж негра схватили, чем его к рынку тащить, лучше на месте продать, а то вдруг помрёт по дороге.

– То есть это предприятие выгодное?

– И да, и нет. Корабли идут из Европы к Африке, потом, уже с невольниками, к американским берегам, и оттуда – обратно в Европу. На Африку берут товар для обмена, на вырученные за негров деньги покупают сахар, патоку, кофе и прочие колониальные товары и скидывают их дома. На нашем, восточном, побережье плотно сидят арабы и португальцы. Тут другие пути: в Индию, Персию, Турцию, Левант. С Мадагаскара французы на свои острова возят, кстати. Но нужны большие корабли, фрегаты тут не подойдут – загрузка малая.

– У меня есть бриг и галеон.

– Тогда можно. Прибыток от пятикратного. Но дело рисковое – перехватить могут, испанцы и англичане считают, что возить невольников можно только им, а других топят. Да и португальцы тоже соперников не любят. Или шторм. А то, бывает, невольники передохнут. Ну и с острова – не советую. Загребёте какого-нибудь родственника одного из вождей – и обретёте пару племён под стенами острога.

– А французы? – насторожился князь.

– Аборигены их ненавидят.

– Гм, – задумчиво протянул Светлейший. – Ежели мы французов от острова отгоним – мальгаша пойдут к нам под руку?

– Пожалуй, пойдут, – согласился британец. – Но французы будут недовольны.

– А мы их убедим, – хищно улыбнулся Меншиков. – Их острова я видел – не сильно укреплены.

– Ссориться с ними не следует, – возразил плантатор. – Я думаю, можно будет договориться – за счёт арабов и португалов...

Спустя полтора года Плантен и Ле Буше столковались-таки с французами. Предварительно продемонстрировав выросшую к тому времени до семи кораблей российскую эскадру. А сам Светлейший предпочёл соглашение с туземцами...

Покидая полгода назад Петрополь на пяти кораблях, Александр Данилович оставлял за собою строящийся порт, разведанные залежи железа, два форта, закрывавшие подходы к бухте, двенадцать каперских кораблей, только из числа официально поднявших российский флаг, и оживлённый торговый перекрёсток, уже начинающий обрастать славой новой Тортуги. В городе строились кабаки, вокруг, по соглашению с туземцами, возникали плантации. Теперь следовало поклониться доставленным России далёким островом Петру... Но чаяниям князя сбыться не суждено.

* * *

Пётр I, Великий, друг и повелитель с юности, умер 28 января 1725 года, спустя год после начала Мадагаскарской экспедиции. Наследовал ему коронованный под именем Петра II десятилетний внук, тоже Пётр Алексеевич. Правил, разумеется, не малолетний преемник. Власть перешла в руки Верховного тайного совета, из петровских сановников, во главе с давним недругом Светлейшего – Гавриилом Головкиным.

Вернувшегося в Россию Меншикова при новом дворе приняли холодно. Россия готовила наступление на Крым, армия штурмовала Очаков, и верховников далёкий Мадагаскар интересовал мало. А вот врагов Светлейшего князя среди нынешних придворных хватало. И давнишние обиды ему никто не забыл. Нет, остров, заморскую губернию и град Петрополь Пётр II под свой скипетр, несомненно, принял. Но чинов и званий князю не вернули. Да и не нужны ему были теперь эти звания, захандрил Александр Данилович. Это ведь когда в столице, при дворе, каждый день встречаясь с царём, он относился к Петру Великому хоть и с почтением, но и как к суровому повелителю. А в странствиях образ сюзерена и друга, наложившись на тоску по родине, приобрёл черты величественные и породил чувство преклонения. Которое теперь становилось ненужным. Пусто стало на душе у князя, уныло. Вдруг, неожиданно для самого себя, всё чаще стала приходить мысль: «скучно жить».

Продолжалось сие состояние, впрочем, не долго, спасибо Головкину, супротивнику заклитому. Канцлер затеял ворошить прошлые разбирательства, намереваясь бесповоротно покончить с бывлым соперником. Но прогадал. Меншиков, кроме недругов сохранивший и приятелей, узнал об интриге Головкина немедленно. И это его встряхнуло. Внука «своего» царя он не знал и служить при его дворе, тем более при наличии Верховного совета, он не намеревался. Вдова императора, Екатерина Алексеевна, входила в число верховников, но ни настоящей властью, ни амбициями не обладала. Светлейшего сие не устраивало. Он придумал себе новую цель – исполнить до конца замысел Петра I и, укрепив Мадагаскар, проложить России морской путь в Индию. Кроме всего прочего, в южных морях он теперь чувствовал себя лучше, чем в сановном Петербурге.

«Однако для исполнения сего намерения потребно сначала от происков избавиться, а после и внимание да подмогу Мадагаскару заморскому обеспечить, – вновь подумал князь, просматривая наброски карт. – Ох, Гаврила-Гаврила, и надо бы тебе сала за шкурку залить, надо бы... ан не судьба в этот раз».

Меншиков в сановных кознях чувствовал себя как рыба в воде. То обстоятельство, что интриговать при новом дворе ему просто не хотелось, совсем не помешало князю сразу по при-

бытии в столицу разобраться в сложившихся партиях и интересах. Светлейший являлся, пожалуй, единственным человеком, который мог в этой обстановке сохранить для России Мадагаскар. Других людей, имеющих такой опыт и мастерство придворных интриг, при этом видящих в далёком острове пользу, просто не существовало.

Три дня назад князь впервые открыто вмешался в петербургскую политику. Два дня назад по столице поползли слухи о складывающейся «партии Меншикова», делающей ставку на один из кланов в Верховном совете, Долгоруких. Вчера он договорился – уже не с позиции полузабытого-полуопального выскочки из времён прежнего царствования, но как полноправный участник событий – о встрече с двумя верховниками. Этой встречи он и ждал, короткая минуты за воспоминаниями.

Граф Пётр Андреевич Толстой, глава Тайной канцелярии, один из самых близких и доверенных лиц Петра I, добрый приятель Меншикова, а ныне один из семи членов Верховного тайного совета, и злейший враг Александра Даниловича, канцлер Головкин. Именно с ними князь и встретился двумя часами позже, подъехав в раззолочённой, прождавшей хозяина три долгих года карете, к дворцу Толстого.

Разговор начинался нелегко. И Толстой, и Головкин были выдающимися дипломатами и политиками своего времени, и плести словесные кружева умели преотличнейше. Первым надоело канцлеру.

– Данилыч, – буркнул он, хрустя мочёным яблоком, – давай прямо толковать. Мы тут все политесу обучены, чего кота за яйца тянуть?

– Можно, – пожал плечами Светлейший, допил перцовую и начал: – Сейчас в силе Долгорукие. Ты, Гаврила, и ты, Пётр, тоже – к царю редко попадаете, а Катерина по вдовству своему вообще от дел отрешена.

– Тебе что за горе?

– Гаврила, – Меншиков сделал вид раздражённый и рассерженный, – ты мне крови сколько попил, а? Ох, через край! Хочешь, нынче я тебе попью? Долгорукие мне не враги, я с ними распрей не заводил. А сейчас и подавно не стану...

– Александр Данилович! – прервал его Толстой. – Не будем старое вспоминать, мы ведь сговариваться собрались, а не прошлые обиды тешить!

И Светлейший разыграл единственное, что у него оставалось, – имя. Имя бывшего ближайшего фаворита Петра Великого, наделённого когда-то почти державной властью, всё ещё внушало если не уважение, то опаску. Внушало всем. Взбудоражив за пару дней столичные верхи, старый волк показал зубы. А потом немедленно обменял волнение властей на преимущества для себя лично. Он предложил вождям «партии Екатерины» своё самоустранение из российской политики и вообще из России. Навсегда. Подкрепив это предложение хорошим презентом в золоте и камнях Толстому и Головкину. Но не только подношением.

– А ведь ерунду взамен прошу, – выбирая из миски солёный огурец, пояснил князь. – Чин генерал-губернатора Мадагаскара да дозволение русскую Ост-Индскую кумпанию основать. На паях. И пайщики, – тут он, прервавшись, пристально посмотрел на собеседников, – пайщики неплохие барыши получают.

Александр Данилович знал, что делал. Остров Мадагаскар России был не нужен. Не имелось никаких государственных оснований для удержания острова. Планы предыдущего царствования отошли в прошлое вместе с покойным государём, и заморская губерния стала ничемной игрушкой. Для всех, кроме него. Но... если дальняя колония не нужна стране, это вовсе не значит, что она не может понадобиться некоторым высшим чинам этой страны, верно? Тем нескольким, которые станут получать из-за моря доход. Особенно, если этим нескольким как раз безотложно требуются деньги для борьбы за власть внутри правящей группировки.

Головкин и Толстой с такими суждениями согласились. Они не боялись интриг самого Меншикова, пусть даже объединившегося с проигравшим в подковерной борьбе, обвинённым

в заговоре, но всё ещё сильным вице-канцлером Остерманом. Однако возможность того, что отвергнутый ими князь пойдёт с тем же предложением к их недругам, вкупе с получением осязаемых, звонких подтверждений выгоды лично для них Мадагаскара... Да и отдавали они должное противнику, оба понимали – лучше Меншикова с обустройством кумпании в Индии никто не справится.

Светлейший, как за ним часто водилось, поставил на скорость. Понимая, что все его потуги предстать главой «третьей силы» в игре вокруг трона припугнут верховников ненадолго, он начал переговоры об отступлении практически сразу, не дав опомниться и просчитать обстановку. Теперь его конфиденты были уверены, что князь желает получить кроме безумно прибыльного предприятия (а о доходах английской, голландской, датской Ост-Индских компаний они были наслышаны) ещё и положение почти бесконтрольного правителя немаленького, хотя и далёкого края. Это была понятная цена изгнания, которую они готовы были уплатить... вернее, вложить в качестве своего пая в торговое товарищество. Всегда приятно получить пусть рискованный, но весомый пай в коммерческом предприятии, в обмен на всего лишь отказ от добывания бывшего, давно по сути побеждённого, соперника.

Светлейший выиграл схватку. Уже через два дня, на заседании Верховного тайного совета, двенадцатилетний император твёрдо заявил по поводу Мадагаскара:

– А где российский флаг поднят, там спускать его не должно!

Предыдущий вечер он провёл в обществе Меншикова, чьи рассказы, подтверждаемые диковинами из южных морей, произвели на мальчика оглушающее впечатление.

* * *

Спустя полгода из Ревеля вышла Мадагаскарская флотилия. Кроме приведённых Светлейшим кораблей, в эскадре шли два линейных корабля и два фрегата, оставшихся со времён прошлого царствования, да ещё три «купца», набитых не столько товаром, сколько людьми. Верховники, согласившись на посулы князя, воспользовались его отплытием в полной мере. Кроме самого Александра Даниловича с семейством, на остров отправились опальные Остерман, Абрам Петрович Ганнибал и несколько гвардейских офицеров рангом поменьше, показавшиеся власть предержащим в России лишними. Кроме них за море плыли и охотные люди разных сословий, рота солдат и набранные на юге казаки.

А с мостика флагмана без сожаления смотрел на удаляющийся берег генерал-губернатор острова Мадагаскар, генерал-адмирал (ордена князю вернули, а чин решили пожаловать сугубо морской, без восстановления армейского) Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Человек, в одиночку завоевавший, а после и сохранивший Мадагаскар для России.

Вместо эпилога

18 января 1745. Западный берег острова Мадагаскар, устье реки Велибука

Куренной с неохотой отнял подозрную трубу от глаза. Труба в золотой инкрустации, с пластинками слоновой кости нравилась ему давно, и отдавать её хозяину, лежавшему справа Ахметке, не хотелось. Однако пришлось. С неудовольствием поглядев, как прибившийся год назад к куреню басурман аккуратно прячет инструмент в футляр, атаман вздохнул и вопросительно посмотрел налево. Удобно залёгший под кустом третий казак, бывший боцман с брига английской Ост-Индской компании, сбежавший на Мадагаскар после ссоры с капитаном и последовавшей порки, в ответ на взгляд флегматично заметил:

– Два фрегата. Королевский флот, по тридцать восемь пушек. Похоже, те, что датчан позавчера на берегу пожгли.

Про датчан в станице знали с вечера, когда прискакал взмыленный Юргенссон, тамошний голова, рассказавший, что подошедшие с моря два британца расстреляли деревню из орудий.

– Давно Кнуту говорено: нечего на самой кромке село ставить, – буркнул Игнат. – Кто ж так делает – подходи с моря, бери что хочешь.

Бывшим морякам датской компании, потерявшим корабль в шторм, спасённым русским фрегатом и не пожелавшим возвращаться на родину, куренной такое опасение и вправду высказывал. Ан вот, не убедил.

– Они рыба любят, рыба ловят, а носить рыба далеко не хотел, – весело ухмыльнулся Ахмет. – А кораблик, слушай, хороши, да-а?

– Гут корабел, – согласился бывший боцман. – Надо гонцов в волость слать, атаман. Одни не сдюжим.

– Какой волость? – взвился араб. – Бачка атаман, волость пошли – войска прислали, наша без дела совсем останется! Сам большой фрегат возьми – золото купаться будем!

Как обычно, от волнения бывший аденский пират начинал коверкать русский язык всё сильнее. Атаман же размышлял. Месяц назад он выдал замуж старшую дочь, дав немалое, годами набегов скопленное, приданое. Выдал удачно, зять, городской врач-голландец, был человеком рассудительным, небедным и при казачьей непредсказуемой жизни чрезвычайно полезным. Однако у Игната Чернозуба имелась и вторая дочь – погодок. Как раз на выданье. Так что поправить денежное положение не мешало. С другой стороны, рисковать, бросаясь на великолепно выглядевшие фрегаты, представлялось опасным. Ахметке что? Убьют и убьют, никто и не вспомнит. А тут семья...

Он перекатился к краю холма, за которым казаки устроили себе ухоронку, взглянул на море и поинтересовался у Стэмпа, давно прозванного Стопковым:

– Слышь, Джо, а людишков-то на кораблях по сколько наберётся?

– Сотни по три, – прикинул тот. – Считай, из Англии идут, полный экипаж.

– Шесть сотен, – разочарованно протянул куренной. – А в курене мужиков всего семь десятков...

– Так можно мальгашей позвать, – мгновенно придумал Ахмет. – Сакалавы ж вчера только на торг приходили? Они и стрелки отменные, и подрасться любят. И из добычи ружьями возьмут, на золото не польстятся. Человек три по ста их будет.

– Откуда там золото, – отмахнулся Чернозуб. – Из дома идут. Вот сами корабли – да-а... А что если...

План, придуманный куренным, был рассчитан на жадность британцев и их неискущённость в местных обычаях. Как и ожидалось, переночевав на корабле, утром флотские спустили четыре шлюпки, на которых послали дозорных обследовать берег. Там их ждали: на высадившихся моряков налетели два десятка конных, среди которых выделялся разодетый «повосточному» и обвешанный золотыми побрякушками Ахметка. Золотые украшения собирали по всему куреню, надо было произвести впечатление.

Англичане, как и ожидалось, растерялись ненадолго и, быстро перестроившись, начали отстреливаться, однако налётчики тут же скрылись. При этом с разукрашенного «предводителя» слетела притороченная к седлу сумка, похоже, сбитая пулей. Сумку с содержимым представили командующему эскадрой, который, обнаружив внутри кроме десятка золотых монет карту, пришёл в восторг...

* * *

– ...не поверит, – твёрдо заявил Игнат. – Ну вот скажи, ты б сам поверил?

– А и поверил бы, – шёпотом огрызнулся Ахмет. – Что такой? Карта датский язык писано, недалеко от берега город рисован. Написано – с храмом и дворцом раджи! Чего не то? Датский не английский, ан буквы одни. Разберут, коли захотят.

– Захотеть – захотят, – согласился атаман. – Но послать отряд далеко от кораблей? И потом, ну откуда тут, на Мадагаскаре, раджа?

– А если про раджа не писал – не клюнут. Раджа – золото. Нет раджа – золото, может, тоже нет. А так – точно есть...

Препирались они, лёжа в засаде уже давно и скорее от скуки. Но увлеклись, и потому отваливающие от фрегатов шлюпки с десантом первым увидел Стопков. Атаман не ошибся, командир британцев не стал упускать возможность немного подзаработать. Ведь Мадагаскар, известно, остров пиратский, и местный раджа – явная и законная добыча честного английского офицера, правильно? Правильно. Но не в этот раз.

Колонну моряков в триста человек перехватили в самом удобном, отмеченном на подброшенной карте как окрестности города, месте. Узкая пустошь перед каменистыми пригорками, поросшими местным, жёстким кустарником, что может быть лучше? Растянувшегося неприятеля оглушили внезапным залпом с трёх сторон, выбившим половину отряда, после чего пошли на сшибку. Английские моряки, будь они на привычной оружейной палубе или хотя бы в строю, – представлялись бы противником нешуточным. Но вот так – после шестичасового марша по жаре, после косящего ряда мушкетного залпа почти в упор, да против семи десятков провоевавших «за царя и Мадагаскарскую кумпанию» с малыми перерывами никак не меньше чем лет по пять казаков, и почти двух сотен воинственных туземцев? Нет, так поданные Георга II сражаться не могли. Во всяком случае, долго.

Под утро часовые на королевских фрегатах из ополовиненного экипажа могли бы слышать тихий плеск воды под палубами, но... волнение, хоть и небольшое, на море наличествовало, и звуки плескавшей в борт ряби сделались за время вахты привычными. Никто не помешал подплывшим казакам подняться на палубу, прирезать бодрствующих, а затем и дать сигнал ждущим в отдалении главным силам. По сотне человек на каждый корабль против спящей команды, итог очевиден...

* * *

О том, что посланные в Индийский океан два фрегата теперь входят в состав русского Индийского флота и называются «Пётр I» и «Пётр II», британское адмиралтейство узнало лишь полгода спустя, после того, как упомянутые фрегаты были отмечены среди обстреливающих Калькутту... Но это уже совсем другая история.

Артём Гуларян Один день из жизни Артёма Борисовича

*Может стать, что смерть
Ты найдёшь за океаном,
Но всё же ты от смерти не беги.
Осторожней, друг, —
Даль подёрнулась туманом,
Сними с плеча свой верный карабин.
Ночью труден путь,
На востоке воздух серый,
Но вскоре солнце встанет из-за скал.
Осторожней, друг, —
Тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар.*

Юрий Визбор. Мадагаскар

День отдыха, который я сам себе наметил, накрылся медным тазом.

Это в детстве медный таз напоминал мне о нашей усадьбе в селе Ананьевка под Орлом. Как сейчас вижу: вот крестьяне, ломающие шапку при виде приехавшего из города маленького барича... Вот бабушка и две её кухарки, Ася и Марфа, варившие в большом медном тазу варенье из китайских яблочек... Тех, которые отправляют в рот целиком. Но в кадетском отрочестве медный таз изменил своё значение – это то, чем накрываются дела у безалаберного кадета.

А планы на отдых и полное безделье были у меня наполеоновские. После почти полутора месяцев мадагаскарских джунглей – месяц безмятежной жизни на самом большом корабле Российской империи. Авианосец «Святогор» поражал воображение и был по-своему красив. Утилитарно красив.

И какого качества здесь комфорт! Офицерская столовая в правом корпусе корабля (она считается престижнее, чем в левом) с длинным столом, застеленным белоснежной крахмальной скатертью, подогретые перед подачей столовые приборы (форсят, форсят морячки!), прекрасно вышколенные ординарцы. Хозяйева безукоризненно вежливы, так что понятно: с такими нужно постоянно держать ухо востро, иначе нарвёшься на флотскую подначку... С «верхним чутьём» у меня и моих офицеров всё в порядке. А вот светскость в мангровых зарослях улетучилась напрочь. Поэтому мы чувствовали себя несколько скованно, несмотря на благожелательность моряков. Что, в свою очередь, провоцировало последних подначить неуклюжих спецназовцев... И чутьё меня не подвело, как всегда. Один из присутствовавших за столом морпехов в звании поручика в конце светской беседы с одним из моих поручиков не нашёл ничего лучшего, как поддеть его:

– Ну что, «морской конёк», это вам не «брикеты» в джунглях лопать!

Повисла неловкая тишина. Хозяин стола, старший офицер корабля, испепелял неудачного шутника взглядом. Все остальные взгляды, брошенные прямо или искоса, адресовались мне. В команде «морских коньков» я старший по званию, мне и нужно сгладить острые углы. Но, во-первых, оскорбление было нанесено не отдельному моему подчинённому, а всему Его Императорского Величества военно-морскому спецназу в его лице. А во-вторых, с этими морскими пехотинцами у нас старая «любовь до гроба» (неизвестно только, до чьего). Мы воплощаем собой их ночной кошмар, ибо принадлежат они к антидиверсионной группе корабля и учили их убивать таких, как мы. Поэтому ничего улаживать я не стал.

– Универсальным сухим пайком, в просторечии именуемым «брикетом», пользуется простая, «без претензий», морская пехота, господин поручик, – произнёс я холодно. – Ещё они есть у воздушного десанта и штурмовых бригад. Вы, насколько я знаю, ими не пользуетесь, ибо в джунгли не ходите. Доблестный спецназ Его Императорского Величества сухим пайком тоже не пользуется, поскольку исповедует принцип: «Бери не то, что может пригодиться, а то, без чего не можешь обойтись». Даже тренированный человек не может долго нести на себе груз, большой трети веса собственного тела. Это оружие, боеприпасы, медикаменты, гамак. Еда в означенный комплект не входит. Наша еда бегаёт и прыгает в лесу. А также ползает...

Тут я краем глаза увидел, что сидевший рядом со мной капранг начинает зеленеть, и поспешил закончить свою тираду:

– Всё это более вкусно, чем упомянутые вами сухие «брикеты», молодой человек. Но не к столу будет сказано... не к столу...

Из столовой я вышел отяжелевшим. И не потому, что переел, а потому что отвык есть. Всё-таки эти пищевые концентраты пайка не сравнятся с хорошей кухней. А подножный корм... Бр-р-р! Зато впереди месяц почти безделья (подготовка отчёта, проведение тренировок и тактических игр с личным составом – не в счёт), хорошая еда, общение с военно-морской кастой. Будет много всего – и светских бесед, и флотских подначек. Так что к Порт-Артуру восстановлю навыки светского общения. А заодно закончу совершенно секретный верноподданнический доклад по поводу новых «Крабов» – малых подводных лодок спецназа «Морской конёк», которые мы опробовали в водах вокруг Мадагаскара. Его Императорское Величество Государь Император оказал своему морскому спецназу большую честь и распорядился провести на острове большие военно-морские учения с использованием новой техники. Техника оказалась на высоте – конструкция «Крабов» оказалась очень удачной, и эти маленькие вёрткие машины позволяли нам совершать внезапные удары с моря, обходить минные поля и надёжно прятаться в мангровых зарослях болот. Этого нельзя сказать о людях – спецназ понёс небоевые потери – один человек был эвакуирован с диагнозом «неизвестная разновидность геморрагической лихорадки». Ещё два человека, укушенные змеями, отказались от госпитализации. Я не настаивал, решив, что спецназу будет полезно потаскать с собой «условно раненных», чтобы максимально приблизить условия учений к боевым. Чтобы подчинённые на себе испытали, что стоит за гордым девизом «Спецназ своих не бросает» в тот миг, когда почти все задействованные силы – морская пехота, сухопутный спецназ и сапёры, и даже «Святогор» с его авиацией – навалились на них со всех сторон.

Поэтому, ожидая, пока мои офицеры займут установленный порядок движения, я быстро спросил у своего адъютанта:

– Как там с Малышевым?

– Помещён в лучшую клинику Мумбайя, – ответил мой адъютант капитан Володьев. – Состояние стабильно тяжёлое.

– Паша, – прошипел я ему на ухо, – *телеграммируй* им, что в средствах стеснения не будет... Пусть наши индийские братья требуют, чего хотят, но человечка моего на ноги поставят!

Капитан Павел Володьев коротко кивнул. Он знал, что мне перечить бесполезно. Хотя лечение солдат Его Императорского Величества Государя Императора полностью отнесено на казённый счёт, я считал своим долгом взять расходы на себя. Как дворянин и состоятельный человек.

Старший офицер корабля вместе с командиром антитеррористической группы представили мне провинившегося как «приданного в моё распоряжение для сопровождения внутри корабля». Отрекомендовался он мичманом Александром Колесниковым. Впервые я попал на «Святогор» пять лет назад и довольно прилично ориентируюсь на корабле, но приставили ко мне провинившегося в качестве моральной сатисфакции, чтобы провинившийся *проникся*, и

я эту сатисфакцию принял. К слову, у нашего «вероятного противника», англосаксов, антидирекционные группы называются почему-то антитеррористическими. Смешно. Как будто домогоченные латиноамериканские пистолейрос или ирландские бомбисты могут задумать штурмовать военный корабль. Нет, это под силу только нам, людям, которых готовила держава. И то пять лет назад мы недопустимо долго провозились с гражданским судном...

Нужно было проверить, как разместили моих людей, поговорить по даггерофону с родителями и с женой, и я совершенно свободен. Но человек предполагает, а Господь располагает... Первый звонок о грядущих неприятностях и безумных хлопотах этого дня прозвенел на палубе «Четыре-Дэ», как назвал её сопровождающий нас поручик. В широком коридоре дрались человек десять. Дрались неприглядно, непрофессионально. С точки зрения современного спецназа (что нашего, что французского, что англосаксонских наций), драка вообще является непростительной роскошью. Не сможешь «успокоить» противника одним ударом – не связывайся с ним. Или примени оружие.

Посмотрев на сопровождающего нас поручика Колесникова (не будет возражений?), я кивнул своим младшим офицерам, и те бросились успокаивать дебоширов. Скобка... Подсечка... Мельница... Двойная скобка... Мать твою! Что это было? Что-то из корейского тэквондо... Ну да, кореец... И уже отдыхает... Но моего Фёдорова чуть было не достал. Наконец драчуны успокоены, призваны к порядку и выстроены вдоль стены, готовые к употреблению. Поскольку я оказался ближайшим к месту ЧП воинским начальником, мне предстояло в нём разбираться. И назначить наказание. Конечно, моряки могут оскорбиться, но такова сложившаяся практика военной юстиции... Слева от меня морские пехотинцы, но простые, «без претензий», справа техники, все из экипажа корабля. Лица злые, и лица разные. Морпехи наши, в смысле славяне или прибалты... Скорее всё-таки прибалты, у славян лицо попроще... Техники как на подбор – корейцы. В империи теперь много корейцев, особенно после того, как мы присоединили Маньчжурию, а государство Корё объявило себя союзником Белого Царя. Так что получается, православные! Конфликт на расовой почве? Но расовая терпимость великороссов (взгляд в сторону морпехов) вошла в притчу ещё во времена освоения Мадагаскара, когда первые две экспедиции за два поколения просто смешались с мальгашами. А корейцы (взгляд в сторону техников) просто счастливы русским подданством.

Ткнув пальцем в грудь ближайшего морпеха, я гаркнул:

– Фамилия! Звание! Часть!

– Адреас Клаазен, фельдфебель, Третья отдельная морская бригада.

Вот всё и разъяснилось...

– Гражданин Трансвааля или Оранжевой республики? – для порядка уточнил я.

– Трансвааля, ваше высокопревосходительство!

Всё стало ясно. Буры считались нашими союзниками, охотно поступали на службу Государя Императора, но в отличие от нас, славян, расовой терпимостью не отличались. Я с брезгливым любопытством осмотрел этого Анику-воина. *Интересно, ты спал с африканками или только с белыми женщинами? Если спал, то как можно считать цветных ниже себя? Это уже похоже на скотоложство...*

– В чём причина конфликта?

Бур оказался человеком тёртым. Или достаточно послужившим у нас, что, по-моему, одно и то же. Во всяком случае, он не стал выгораживать ни себя, ни других, но чётко ответил:

– Виноваты, ваше превосходительство!

Слишком по-русски. Буру не идёт. Ощущение какой-то игры, натянутости... Неестественно прозвучала фраза...

Я ткнул в грудь ближайшего техника:

– В чём причина конфликта?

Ментальность азиатов отличается от нашей, той самой, которую попытался симитировать бур. Заложить ближнего своего для них в порядке вещей. Кореец сказал не чинясь:

– Эта обзывай наша жёлтый обезьяна. А мы отвечай, что хотя и жёлтая, но подданный Белый Царь, а бур, хотя и белый, только русский союзник, и без Белый Царь звезда гавкайся...

– М-да-а... – протянул я и качнулся с пятки на носок, и с носка на пятку. – Объявляю, что вы все шельмы, судари мои, и все не правы! Вы не правы, – обратился я к насупившимся бурам, – поскольку человек на службе Его Императорского Величества не имеет права делить сослуживцев по расовому, религиозному и национальному признаку, тем более, сравнивать его с животным, поскольку служба державе Российской превыше указанных различий.

Сказал, и сам восхитился: как вовремя из меня выскакивают эти казённые фразы. Сказать бы вам по-простому: козлы, нашего великого Пушкина и его матушку вы бы на порог не пустили: кучеряв, смугл, и синева под ногтями – все признаки мулата. Ещё бы – ведь в русском национальном поэте есть и эфиопская, и мальгашская кровь.

– Вы тоже не правы, – это в сторону корейцев, – ибо подданство российское, хотя и является предметом законной гордости, накладывает на человека, в первую голову, обязанности, и только во вторую дарует права. И гордиться им перед лицом других служащих государя стыдно. А посему назначаю вам всем по пять суток гауптвахты по прибытии в Порт-Артур.

Тожe нашли чем гордиться: без великороссов никуда. Да что было бы с вашей Кореей, не будь Великой России. Японцы бы давно скушали. Ещё в начале прошлого ХХ века.

– Ты, – палец упёрся в грудь щуплого корейца, едва не попавшего пяткой в ухо Фёдорова, – как звать?

– Ким Чер, – ответил техник.

– По отбытии наказания – ко мне, – в моих пальцах появилась новенькая визитка с официальными данными нашего вербовочного пункта, отпечатанная здесь же, на корабле. Визитка отправилась в нагрудный карман комбинезона. Стоит испытать человека. Если выдержит – одним спецназовцем будет больше. Не выдержит – значит, бог не дал.

– Разойдись! Довести до командиров моё распоряжение!

Через десять секунд в коридоре находились я, группа «морских коньков» и приданный нам поручик. Как хорошо быть генералом...

Да, но положение буров хуже губернаторского. Капская колония англичан – слишком беспокойный и опасный сосед. Англосаксы крепко держат Атлантику, примерно как мы – Индийский океан или как французы – Средиземное море. Пытаясь сломать сложившееся в мире равновесие, британцы беспокоят бурские республики... У них за спиной маячат Северо-Американские Соединённые Штаты, а чуть поодаль ждут своей очереди на Большую Игру ещё два претендента – Аргентина и Бразильская империя. Но не будем о грустном...

Разняв драку и наказав виновных, я вдруг вспомнил, что во время наших мадагаскарских приключений и командир, и подчинённые порядком поизносились. В частности, пора бы поменять мою нарукавную нашивку – «Морской конёк» в овале. Как у генерала, мой морской конёк золотой, у офицеров – серебряный, у рядовых вольноопределяющихся – бронзовый. И мы всей весёлой бандой отправились на разграбление корабельной маркитантской лавки.

При нашем появлении главный маркитант корабля, средних лет мальгаш, вытянулся в струнку:

– Что желает ваше превосходительство? – Он решил заняться мною лично, оставив офицеров заботам подчинённых.

– Его превосходительство желает новую нарукавную нашивку, – в тон ему сказал я, – «Морской конёк». Золотую. Согласно уставу.

Мальгаш покачал головой и развёл руками:

– Вы же знаете нашу российскую расхлябанность. На Мадагаскаре не погрузили, придётся подождать до Кореи.

– А мы разве идём в Чемульпо, а не в Порт-Артур? – удивился я.

– Ой, извините, я, наверно, перепутал, – русский мальгаша был безупречен, – конечно, в Порт-Артур, в Чемульпо мы можем стоять только на внешнем рейде...

Чтобы не уходить из лавки с пустыми руками (да и жарко было на корабле), я купил у маркитанта имбирного кваса (он тут же предложил мне двадцать сортов этого напитка), привычным движением потянул за боковое ушко, переждал шипение и снял пробку. Отпил добрую треть. К видимому удовольствию хозяина лавки.

– Чисто говорите по-русски. Что кончали? Императорский институт Бунге?

– Нет, куда нам, – мальгаш кажется, даже шаркнул ножкой под стойкой, – а русский... как можно быть русским подданным и не говорить хорошо по-русски!

Словосочетание «Русский подданный» этот человек выделил так же, как я пять минут назад в коридоре – словно прочитал с большой буквы, и я невольно заинтересовался им:

– Как вас зовут, уважаемый?

– Иван Рававодина.

Целую минуту я переваривал про себя эту мальгашскую фамилию. Или я плохо знаю мальгашский, или... Потом до меня дошло: частица «Ра» – мальгашская приставка к фамилии и переводится, как «Уважаемый». Если её отбросить... Ну да, наш русак, потомок поселенцев XVIII века, наверно, прибывших на остров ещё с Александром Меншиковым или с Абрамом Ганнибалом. Смешались с местными, исказили фамилию на мальгашский лад...

– Уважаемый господин Воеводин, я с удовольствием выпил бы с вами, если бы на «Святогоре» не было бы сухого закона... Но это исправимо. Итак, до берега?

– До берега, ваше превосходительство!

– Не чинитесь. Для вас – Артём Борисович.

Настроение резко пошло вверх, и я, мурлыча себе под нос непристойную кадетскую песню про летние манёвры, помчался к своим вольноопределяющимся. Колесникова, правда, пришлось пропустить вперёд в качестве путевого клубка из сказки. Всё-таки такой огромный боевой корабль трудно изучить полностью, особенно если не служишь на нём постоянно. И потом... Я, например, начинку «Принца Уэльского» представляю себе лучше, чем начинку «Святогора»... Хорошо, что Колесникова ко мне приставили. Да и парень он оказался ничего, я бы его в «морские коньки» взял. Кто вообще догадался посадить за столом рядом диверсанта и антидиверсанта?.. Осмотрев предоставленный спецназу кубрик, я не нашёл, к чему придраться. Российская армия традиционно придерживается аскезы в быту, начиная с Петра Великого, но флот всегда считался исключением. Как бы ребята не разбаловались... Решено!

– Господа спецназ! – обратился я к подчинённым, вытянувшимся по двое в проходах между двухуровневыми койками. – Мы хорошо поработали «в поле», но это не значит, что можно расслабляться. Тренировки в обычном режиме. Правда, мы сейчас на чужой территории, на военном корабле. Значит, график приспособим к морякам. Сегодня после окончания полётов – все на палубу. Бегать! Рукопашный бой! Два часа, до упаду. Утром повторим. И так ежедневно. Свободного времени не будет. После утренней разминки занимаемся английским и испанским, потом – репетируем боевое расписание, а потом – разбегаемся по кораблю, как тараканы. Через неделю вы все должны знать корабль, как свои пять пальцев. После этого будем отрабатывать варианты его захвата...

Краем глаза я замечаю, как Колесников побледнел от моих слов. Но порадоваться собственной удачной шутке мне не дали.

– А на дно пускать будем, как «Уэйкфилд»? – это прорезался мой умник, вольноопределяющийся Степанов.

Ё... Т... М...! Да кто ты такой, чтобы ТАК шутить о «Тройном инциденте» при мне! При мне и при других, прошедших ту мясорубку! Передо мной снова стал, как наяву, огромный амфитеатр Вальпараисо, город, сбегаящий по этому амфитеатру к бухте, взорванный

и объятый огнём корабль у причала и винтокрылы с эмблемами Королевских ВВС Испании, заходящие прямо на нас...

– Разговорчики в строю! – гаркнул я. – Р-р-рядовой Степанов! Два наряда вне очереди за разговорчики в строю!

– Есть, ваше превосходительство, два наряда вне очереди!

– Господа офицеры! Занимайтесь с личным составом! – и, поворачиваясь к мичману, на два тона ниже: – Благоволите проводить меня на «башню», Александр Григорьевич!

Идя по коридору и стараясь не налететь на спину Колесникова, который в свою очередь старательно делал вид, что ничего не происходит, я вполголоса выговаривал своему адъютанту:

– Хороший будет спецназовец... Стервец... Просто у него такой этап – когда пообмяв-шийся в службе человек начинает умничать. Нет, ну какой стервец... Нужно проверить, слышишь, проверить, кто ему подал мысль так пошутить... Да не в моих чувствах дело... Да, считай, что у меня паранойя... Вот ты можешь мне поручиться, что у нас в команде нет жан-дармского осведомителя? Или, на худой конец, в переборках не сидит пара их «клопов»? Вот и действуй.

После того как в битве при Сарагосе жандармы генерала Мило полегли практически все, Наполеон придал уцелевшим функции военной полиции с особыми полномочиями. Император Павел тут же оценил новшество союзников и повелел завести жандармов у себя. Нововведение не только прижилось на русской почве, но и неожиданно расцвело пышным цветом, срослось с Тайной канцелярией и превратилось в жупел для вольтерьянствующего дворянства. Простые военные жандармов тоже недолюбливают, хотя и признают их заслуги перед престолом.

– У тебя снова лицевой тик, Артём, – шёпотом ответил Павел.

Моим адъютантом он был уже пять лет, пройдя вместе со мной ту приснопамятную экспедицию с начала и до конца.

Только на «башне» авианосца (в англосаксонских странах называемой почему-то «островом») можно понять, насколько велик «Святогор». Огромная полётная палуба покоится на катамаране. Мы, русские всегда испытывали слабость ко всему огромному. Здесь и Царь-пушка Чохова, которая не стреляет, и Царь-колокол Моториных, который не звонит, поскольку только после водружения его на звонницу Ивана Великого выяснилось, что его звон разрушит колокольню за десять лет. Плавающий остров проектировался и строился как «аэродром подскока» для стратегических бомбардировщиков в «Решающем конфликте». В час «Ч» он должен был выйти в Атлантический океан... Но негласно считалось, что корабль, несущий на борту половину атомного арсенала империи, одним своим существованием отведёт возможность первого атомного удара от её территории. Вот и плавает по синему морю Царь-корабль, созданный для войны, которая, дай бог, никогда не случится. Нет, пару раз он использовался по своему прямому назначению, в том же «Тройном инциденте»...

Командир корабля, адмирал и великий князь Георгий Александрович, был здесь же. Мы поздоровались, как старые знакомые. *Даггерофон?* Артём Борисович, какие пустяки! Степан Петрович, организуйте связь господину генералу.

Матушка так и не привыкла к даггерофону, хотя я установил это чудо XXI века в нашем городском доме три года назад. Нажав при этом все рычаги, доступные представителю знати, и истратив немалые средства. Мотаясь по земному шару, приятно иногда видеть родные лица, злоупотребляя при этом служебным положением. Но матушка нового устройства до сих пор опасалась и вела себя перед камерой немного скованно. Я неправильно понял эту скованность, испугался, что батюшке снова плохо, но потом всё разъяснилось. Всё спокойно, всё в порядке, Драгомиров на лошадке. Все здоровы. Батюшка уехал в имение, у него большая стирка: мылит шею новому управляющему...

Потом место перед камерой видеофона заняла жена, Леночка, Елена Камиловна. Она у меня из старинного дворянского рода, но дед её, известный чудака, вольтерьянец, назвал своего

отпрыска Камиллом. Говорят, в честь известного деятеля французской революции Камилла Демулена. Отец Елены принимает своё своеобразное имя с христианским смирением, и этим смирением добился того, что окружающие воспринимают это имя спокойно. Во всяком случае, в Академии Художеств, которую он с недавних пор возглавляет, не ходит на этот счёт никаких шуток.

– Катись, яблочко наливное, по белу блюдечку, покажи Леночке страны дальние...

Жена расцвела, как цветок.

– Здравствуй, родной! Как давно ты не телефонировал. Я так скучала без тебя.

– Это не телефон, а даггерофон, Лена. Видишь меня хорошо? А у тебя всё хорошо? Как родители, отец?

– Прекрасно! У него новый заказ от самого государя на картину «Заседание Государственного совета». Пока делает наброски с государственных мужей. Обер-прокурор Синода Жириновский уже по своему обыкновению кричал на папу, ему, видите ли, не понравился набросок...

– Владимир Вольфович в своём репертуаре... Ему бы только старообрядцев гонять по Сибири... А что отец?

– Ни слова не говоря, подписал и подарил Жириновскому злосчастный рисунок... Знаешь, Жириновский тут же успокоился и теперь хвалится окружающим этим рисунком самого президента Академии Художеств...

– А как твои дела?

– Я летом собираюсь поехать по монастырям, рисовать. Думаю заехать на Светлояр – поклониться Китежу. Ты со мной поедешь?

– Нет, милая. Я к этому времени не освобожусь. Служба.

Узкие сжатые губы.

– Это в самом деле невозможно отменить? У тебя там, на периферии никого нет? Ты мне не изменяешь?

– Окстись, графинюшка! Ты моя самая любимая! Вот тебе крест, – и я истово, по-православному, перекрестился.

Елена мгновенно успокоилась и переключилась на домашние дела:

– Студенты отца нас беспокоят – скоро просмотр, а ему некогда заниматься ими. Из-за заказа. Так что я взяла его заботы на себя...

Время вышло, экран угас. Офицеры занимались своими делами, преувеличенно не замечая меня. Соблюдали политес. И конечно, безумно мне завидовали.

Великий князь взял меня за локоток:

– Таки никого нет? А как же Ли Янь Сунь – лучшая девушка Азии?

– Скажи, Георгий, я должен посвящать жену в мои служебные дела? Нет, это прямо запрещено инструкциями и установлениями империи. Если бы мои домашние знали всё о наших с тобой делах – каждый отъезд из дома превращался бы в чёрт знает что, прости господи. Помнишь, сколько пришлось убеждать матушку, что весь «Тройной инцидент» я просидел рядом с тобою на корабле и командовал своими людьми по радио? Так зачем жене знать и о Сунь Ли, волноваться?

– Вывернулся... Завидую тебе, Ананьев. И что это бабы на тебя вешаются?

– Сам не знаю, Георгий. Уже и военных психологов спрашивал – только руками разводят. Мы посмеялись удачной шутке.

– Ладно, хочешь посмотреть, что пишут газетчики о наших старых делах?

– Изволь.

Великий князь подал мне свежий номер «Московского телеграфа», отпечатанный в типографии корабля по гранкам, пересланным в электронном виде по радиотелеграфу.

Я быстро пробежал заголовки:

«Новый виток напряжённости между Континентальным союзом и Атлантическим договором! Французский „мираж“ атакован британскими „фантомами“ над Па-де-Кале».

«Испанское королевство уже сейчас готовится к празднованию двухсотлетия Сарагосской битвы».

«Жозефина Лакрафт, праправнучка великого Мюрата, привезла в Москву выставку своих картин». *(О! Елене наверняка будет интересно.)*

«Русско-французская акционерная компания Суэцкого канала объявила о выпуске нового пакета привилегированных акций». *(Стоит купить через своего стряпчего.)*

Вот! «Юбилей Тройного инцидента: итоги и перспективы». Я посмотрел фамилию автора – «Михаил Леонтьев». Однако...

«Прошло пять лет с того времени, когда подразделение русского спецназа во главе с полковником Ананьевым атаковало смешанную британо-испанскую эскадру в Вальпараисо, главном порту Испанской империи на Тихом океане».

Тож же мне, эскадра. Один лайнер-трансатлантик и несколько эсминцев, ракетные катера – мелочь пузатая, лайбы. Если бы в порт вовремя подтянулись бы линкоры – «Принц Уэльский» и «Сид Кампеадор» со своими «антитеррористическими» группами и большой десантный корабль «Веллингтон» с валлийскими гвардейцами на борту, – то нам бы там просто ничего не светило.

«Спецназ частично взорвал корабли, поджёг портовые склады и без потерь отошёл под прикрытием авианосца „Святогор“».

Все потери, в том числе необратимые, мы тогда унесли на руках: планировалось не оставлять никаких следов. Пришли ниоткуда и ушли в никуда. Но не получилось: мы превысили лимит времени, и поднялась тревога. И когда Королевские ВВС Испании стали нас поджаривать, Георгий Александрович по своей инициативе подошёл к берегу и стал напротив Вальпараисо. Досталось ему потом от Августейшего Дяди!

«Присутствие флагмана Российского Императорского флота у берегов Испанского вице-королевства Чили удержало Британию, Испанию и стоявшие у них за спиной Северо-Американские Соединённые Штаты от эскалации конфликта. Таким образом, была сорвана последняя попытка наших постоянных противников дотянуться до последней неосвоенной на земном шаре территории – Малого Южного материка, называемого в англоязычных странах Австралией.

Участники этой операции были осыпаны почестями, а командир десанта был возведён в графское Российской империи достоинство. Единственный, кто остался обойдённым наградой, – великий князь Георгий, один из выдающихся флотоводцев страны. И это наводит на определённые размышления о соответствии официальной версии событий реальному положению вещей...»

В точку!

«Но размышления вызывает не только это, но и причины самой операции. Существование целого неосвоенного материка является результатом геополитической неуравновешенности нашего мира. Вот уже полтора столетия два блока противоборствующих держав в полном смысле

слова блокируют друг друга, не давая спокойно развиваться ни себе, ни противостоящей стороне. Геополитическая граница между ними сложилась к сороковым годам XIX столетия и с тех пор существенно не менялась. Мексиканская авантюра Наполеона III и Марокканский кризис начала XX века показали, что англосаксонские нации и Испания легко блокируют активность Континентального блока в Атлантике. Англо-бурская война подтвердила подобное же положение в бассейне Индийского океана в отношении британской активности. Единственный геополитический театр, на котором не сложилось устойчивого равновесия, – это Тихий океан, оказавшийся на периферии великого геополитического разлома. Ни Российская империя, контролирующая северную часть Великого океана, ни Французская империя, контролирующая его середину, ни Испанское королевство, сумевшее, несмотря ни на что, сохранить колонии на западном побережье Южной Америки, не имели ни сил, ни желания осваивать эту территорию. После Филиппинской войны между Францией и Россией с одной стороны и Испанским королевством с другой крупных потрясений на Тихом океане не было.

„Тройной инцидент“ красноречиво свидетельствует, что в истории неосвоенного материка наступает новое время. Державы присматриваются к Малому Южному матерiku и пристально следят за приготовлениями друг друга. Новая война не началась... Она уже идёт пять лет. Российская империя лихорадочно тянет вторую ветку Транссиба и открывает новые судостроительные мощности в Порт-Артуре, а также спешно укрепляет военную базу Форт Росс. Франция укрепляет свои базы в Сингапуре и на Филиппинах. Северо-Американские Соединённые Штаты начали строительство второй ветки железной дороги на запад из Далласа через Эль-Пасо в Финикс и подписали с Испанией соглашение о строительстве канала через Панамский перешеек в вице-королевстве Новая Гранада. Таким образом, мы стоим на пороге невиданной, мировой по своему характеру войны. Причина этой войны – неравномерность развития нашего мира».

Я сложил газету и свернул её ещё несколько раз.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросил меня Георгий Александрович.

– Ты спрашиваешь меня как начальник или как однокашник по кадетскому корпусу?

– А есть разница?

– Ну, в доверительности...

– Тогда ответь мне как старый друг.

– Я сам часто об этом думаю. Посмотри, сколько учений провели мы в последнее время!

Значит, твой дядя тоже об этом думает. Боюсь, что Леонтьев прав. Он сукин сын, но умный сукин сын. Будет война, будь она неладна. Главное – мы не можем сейчас воевать. Никто не может сейчас воевать. Рано или поздно на головы воюющих посыплются атомные бомбы...

Не успел я попрощаться с великим князем, как экран даггерфона снова осветился. На этот раз вызывали нас. В ярком квадрате показалось знакомое по новостным передачам и газетам лицо – управляющий Императорской аэрокосмической компанией генерал Николай Севастьянов.

– Добрый вечер, ваше высочество.

– Рад вас видеть, ваше превосходительство.

– Вынужден огорчить, Георгий Александрович, но вашему кораблю придётся задержаться в Индийском океане и даже развернуться обратно, к Мадагаскару. Мы срочно «сни-

маем» с орбиты «Корвет-7», наш цейлонский космодром принять его не может по погодным условиям. Придётся сажать его на «Святогор». Высочайшее разрешение получено.

– Когда ожидается посадка?

– У вас есть два часа.

– Вполне укладываемся.

– Желаю удачи, Георгий Александрович. Расчётную точку и все данные передадут вам с электронными гранками высочайшего приказа мои люди по радиотелеграфу. До свидания, ваше высочество.

Севастьянов отключился.

Великий князь тут же начал распоряжаться: объявил аврал, приказал проверить всё, что можно, и закрепить всё, что можно, просмотрел бумаги, переданные по радиотелеграфу. Я отправил Володьева к «морским конькам», постоял некоторое время, похлопывая газетой по собственному бедру, потом подошёл к адмиралу:

– Георгий, будь добр, запроси погоду над Цейлоном. Для меня.

Георгий Александрович взглянул заполошно, но потом всё понял, вывел на главный экран карту погоды и недоумённо повернулся ко мне:

– Над Цейлоном ясно, ветер средний, погода идеальная.

– Будем считать, что генерал Севастьянов оговорился, и на космодроме ремонт посадочной полосы, – я помахал перед носом князя его же газетой. – Учения, Георгий, сплошные учения... Кстати, «Корветы» вполне способны доставить атомный заряд в любую точку земного шара. Теоретически. А сесть могут только на Цейлоне... Или у тебя... Пойду к подчинённым. Наставлять и «Крабы» закреплять. Посмотреть посадку пригласишь?

– Конечно! Без вопросов.

– Тогда до свидания.

– Зайди по дороге в вычислительный центр, они там у меня ушами хлопают! С мостика до них никто дозвониться не может!

Из-за двери с надписью «Информационно-вычислительный центр» раздавались молодые голоса, эмоционально доказывающие что-то друг другу. Невольно я замедлил шаг, прислушался и приоткрыл дверь.

– Ты пойми, они в принципе правы, – долетело до меня из-за гула больших вычислителей, причём молодой голос явно горячился, – Пётр Великий использовал Мадагаскарский проект только для того, чтобы сплавить Меншикова подальше от Петербурга и своей жены. По-видимому, он догадывался об отношениях между Меншиковым и Екатериной Алексеевной. А теперь подумай: если бы во время кончины Петра Меншиков оказался бы в Петербурге, а не на острове? Как самый влиятельный вельможа, он решал бы, кто унаследует престол. Мог бы и Екатерину на трон посадить. С непредсказуемыми для державы последствиями.

– История детерминирована, уверяю тебя, – возражал второй. – Признай, что в данном случае господы альт-историки блуждают в трёх соснах. И мадагаскарская экспедиция тут ни при чём. Даже если бы Меншиков был в столице, всё равно венчали бы на царство юного Петра Алексеевича. Екатерина никаких прав на престол не имела, так как же её могли венчать? Ты представь – у нас в России – и женское правление! Одной царевны Софьи нам достало, благодарим покорно!

Тут я не выдержал и объявил своё присутствие. Колесников хотел войти вслед за мной, но я остановил его жестом «стой, смотри по сторонам». В комнате, заставленной по периметру большими яблочковскими вычислителями, посередине стоял стол для совещаний. На столе стояло несколько персональных *интеллектуальников*, в англосаксонских странах называемых *компьютерами*. За столом расположились, вольготно развалясь в мягких конторских креслах, два молодых человека в форме мичманов. Форма шла им, как корове седло. Сразу видно *разночинцев*. Говоривший, увидев меня, вскочил и вытянулся по стойке «смирно», при этом ото-

двинутое конторское кресло, совершив поступательно-возвратное движение, ударило его сзади под колени. Второй попытался одновременно вытянуться в струнку и выключить мерно жужжащий интеллектуальник, что тоже выглядело комично.

– Простите, что я прерываю ваш *tete-a-tete*, господа мичмАны, но если вы не знаете, на корабле объявлен аврал. Разумеется, вы не знаете, – я пересёк помещение центра и снял с телефонного аппарата раскрытый книжный том. Сразу раздался звук вызова. В моих руках была книга модного литератора Александра Бушкова «Фаворит двух императоров», и открыта она была на главе «Первая Мадагаскарская экспедиция». Отложив книгу, я снял трубку.

– Да, Георгий... Генерал Ананьев, кто же ещё... Нет, сам проинструктирую... – и со скачующим видом обернулся к разночинцам.

Как офицеров я их уже не воспринимал. Конечно, сейчас они обалдели от вторжения генерала (правда, без свиты) и что я в разговоре назвал великого князя просто по имени. Тем не менее я понимал, что общедисциплинарные меры воздействия здесь не подходят. И даже будут иметь обратные последствия. Накричи я на них и отправь под арест – они тут же найдут для себя моральные оправдания. Значит, нужно поставить их на место, показав интеллектуальное превосходство. Новое словечко, постепенно вытесняющее понятие «умственный». Не нравится мне это. Чем плох был русский разночинец? Но надо же – теперь интеллигент! Разночинец – не просто ближе и родней. Он государственный человек, «при чине». А интеллигент – он получается как-то сам по себе, отдельно от государства. Как будто вольтерьянства не хватает, изобретённого доблестным союзником, либеральной империей Бонапартов. Человек должен быть при деле! А не сам по себе – вот мой сказ.

– Через час и пятьдесят минут на «Святогор» ожидается прибытие космолёта, – сказал я с холодной вежливостью. – А чем тут занимается вычислительный центр? – и, резко изменив тон, гаркнул: – Фамилии! Должности!

– Мичман Иванов, логистик второго класса!

– Мичман Петров, логистик третьего класса!

– А начальник Информационно-вычислительного центра у вас лейтенант Сидоров?.. (новое изменение тона.) Шучу, шучу... И всё же: чем занимаетесь, молодые люди?

– Отлаживаем логическое обеспечение вычислителей! – бойко доложил Иванов.

– А мне показалось, что о чём-то увлечённо спорите, – я снова взял в руки том Бушкова, – об Александре Даниловиче Меншикове, соратнике двух Петров и покорителе Мадагаскара. Даже мне из коридора было слышно.

После этого я направился к *интеллектуальнику*. Петров пискнул, но ничего не посмел возразить. Запитать машину электричеством было делом одной минуты.

На каждом военном вычислителе в числе прочего логического обеспечения стоит алгоритм сбора данных о всех действиях оператора машины. Вот он, голубчик. Что? Это уже серьёзно! Они лазили в «Узоры» – глобальную вычислительную сеть Российской империи. С корабля, находящегося в военном походе. С-с-стервецы! Так, посмотрим, где они ошивались, на каких узлах «Узора», и стоит ли их за это расстрелять на месте, отдать под суд или ограничиться «губой»... Передо мной всплыло «окно» последнего посещения. С удивлением я прочитал: «АЛЬТЕРНАТИВА. При всём богатстве выбора альтернатива есть – узел альтернативной истории и футуризма».

– Ну и что это означает? – повернулся я к логистикам. – Посадить бы вас на «губу», но вы меня заинтриговали. Так что отвечайте спокойно, «губы» не будет.

– В русском «Узоре» недавно был создан узел альтернативной истории. Это история, которой не было, но которая могла быть, – начал Иванов. – Ну, например, если бы Александр Македонский не умер в Вавилоне, а прожил бы ещё лет десять... Или, скажем, Дмитрий Иоаннович благополучно пережил покушение в Угличе...

– Или император Наполеон Первый не потерпел бы поражение в Испании под Сарагосой, – в тон Иванову продолжил я, невольно увлекаясь этой умственной игрой. В душе я уже решил не наказывать разночинцев строго.

– Вы точно ухватили суть их подхода, ваше превосходительство. (*Вот, вспомнили, наконец, уставное обращение, итаки в форме!*) Они ищут по всей истории такие точки бифуркации...

– Точки... Чего?

– Извините, ваше превосходительство, это развилки развития по Илье Пригожину, это теория шестидесятых годов прошлого века. (*Как несмыслёнышу объясняет... На гауптвахту заколочу пожизненно, умники!*) Так они находят эти точки бифуркации и подвергают критике... Когда вы вошли, мы как раз обсуждали последнюю их тему: что было бы, если бы Мадагаскарский проект Петра Великого провалился.

– Что, история пошла бы другим ходом?

– Так точно, ваше превосходительство! (*Нет, обойдёмся отеческим внушением, без гауптвахты.*) Во внешней сфере нам бы навсегда оказался закрыт путь на Цейлон и в Индию, не было бы побудительного мотива к российско-французскому сближению в начале XIX века, и вообще получается, что в Индии вполне спокойно могла бы утвердиться Британия. Во внутренней – Меншиков, случись он при дворе во время кончины Петра Великого, употребил бы всю энергию и выдающиеся организаторские способности, чтобы не допустить возведения на престол молодого Петра Алексеевича...

– Так, дальше я в курсе, подслушивал... На мой взгляд, геополитические выкладки правильны: если мы теряем Мадагаскар, теряем всё... Но что касается рокировки на престоле... Конечно, Алексашка Меншиков был человек железной воли и огромной энергии. Вся его мадагаскарская экспедиция – это одна большая авантюра.

Точно авантюра, подумалось мне тогда: восприняв назначение начальником экспедиции как скрытую опалу, Меншиков решил разбиться в лепёшку, но заслужить прощение Петра Великого. Выход был один – бить челом государю островом Мадагаскар. Меншиков разбил в Атлантике оба корабля, утопил половину команды, но нанял на собственные средства судно голландской Ост-Индской компании и добрался-таки до острова, вцепился в него.

– И он мог решиться возвести на престол свою ставленицу, – продолжил я. – Но кто бы наследовал престол после Екатерины Алексеевны? Старшая дочь Анна? Но она замужем в Брауншвейге... Или Елизавета? Ладно, будем последовательны. Виват, Елизавета Петровна! А после неё? Её, извините, скидуч?

– Ваше превосходительство! – Мичман Петров зарделся, как мак. – Смеею напомнить вам, что разговор идёт об особе Правящего Дома, дочери и тётке двух императоров. К тому же существует предположение, что истинным отцом её ребёнка...

– Поговори мне, умник! – зло оборвал я его (*старый дурак, выругал сам себя – час назад дёргался по поводу возможных жандармских «клопов» в стене, а сейчас сам чуть было не спровоцировал мальчишку, ведь даже сейчас не стоит распространяться о возможном происхождении графов Бобринских от кровосмесительной связи*). – Некоторые темы лучше не обсуждать... Так, о чём мы... Всё равно мы снова и снова возвращаемся к Петру-внуку. Разумеется, он вступает на престол позже, при этом завоевание Причерноморья и Таврии для России откладывается, но и только. Пётр женится, появится Алексей, и история сгладит вашу несообразность.

– Как один из вариантов развития событий на узле рассматривали приглашение на русский престол Анны Ивановны, племянницы Петра Великого, герцогини Курляндской. В подобном случае Петра Второго просто не допустили бы до престола...

Моя диафрагма резко поехала вверх, я хрюкнул раз, другой, третий, затем перестал сдерживаться и расхохотался. Это просто невозможно обсуждать! Вместо эпохи Деятельных Госу-

дарей, как называют у нас XVIII век, – век женского правления! Вместо Петра Алексеевича внука, Алексея Петровича Второго, Петра Алексеевича Третьего, Павла Петровича, настоящих мужиков, среди которых были и идеалисты-мечтатели, и цепкие прагматики, – но всегда умных и решительных, раздвинувших пределы державы на Юг и Восток, – развратные и глупые бабы. Совершенно нелегитимные, а значит, полностью зависимые от вельмож и гвардии. Новых стрелецких бунтов нам не хватало: эпоха заговоров, раздоров, козней. Новая смутная эпоха, в которой хороводят новые великие бояре.

– Ну, уморили! Фантазёры! – сказал я, отсмеявшись. – Ох, эта наша разночинная молодёжь... Проступок ваш, так и быть, оставляю без последствий. Но займитесь делом. Великий князь повелеть соизволил вам проверить работу вычислителей, отвечающих за навигацию. Если произойдёт хоть один сбой – гарантирую вам, поедете считать белых медведей на Аляску. На интеллектуальнике.

Повернулся и вышел, и выбросил молодых людей с их бредовыми идеями из головы. Накатили новые заботы...

Снова кубрик «Морских коньков». Построение. Напряжённые лица.

– Господа спецназ! Нам выпал счастливый случай поучаствовать, правда, косвенно, в отечественной Космической программе. Его Императорское Величество Государь Император оказал нашему кораблю великую честь! Сейчас на корабль опустится из космоса «Корвет-7». Его срочно снимают с орбиты. «Корветы» уже садились на «Святогор». Это не сложнее, чем посадить тяжёлый бомбардировщик. Но бомбардировщиков у нас много, а «Корветов» всего одиннадцать штук. Поэтому на корабле аврал. Слушайте боевую задачу: всем занять места по боевому расписанию, которое вы должны были выучить к этому времени и которое я завтра собирался репетировать. Учения будут приближены к боевым. Поскольку своих мест вы в глаза не видели, отлучаться запрещаю. Следить за офицерами и членами экипажа во все глаза. В случае форс-мажора... Хотя, дай бог, обойдётся. И если узнаю, что кто-то покинул свой пост и полез на палубу смотреть историческое событие – вышибу из «Коньков» к чёртовой матери! Посмотрите в даггерохронике. Семь механиков – за мной, к «Крабам» Проверить крепления и поставить дополнительные... Есть вопросы? Выполнять!

Посмотрев пару секунд, как спецназовцы проверяют крепление шкафов, крепление коек, нашего оружейного ящика, я выскочил в коридор.

«Крабы» находились в ангаре правого корпуса катамарана, имевшего выход под воду. Трюм был загерметизирован от остальной части корабля и обзавёлся подводными дверями года четыре назад, уже после «Тройного инцидента», специально для наших нужд. Империя привыкла надёжно хранить свои тайны. Сейчас створ огромных ворот был задраен, и в трюме относительно сухо. Механики сноровисто проверили крепления всех семи машин и обернулись ко мне:

– Дополнительные стяжки, ваше превосходительство?

– Без фанатизма, господа старшины, – ответил я, – вдруг срочно отцеплять придётся.

– Не дай бог, ваше превосходительство, – серьёзно сказал механик постарше.

Я демонстративно трижды плюнул через левое плечо и напоследок осмотрел трюм. Подлодки действительно внешне похожи на крабов. Экипаж «Краба» составляет пять человек: механик-водитель в герметичном отсеке и две боевые двойки «морских коньков» в затопляемых отсеках по бокам. Могут выходить как в воду, так и в атмосферу. «Краб» свободно передвигается и маневрирует под водой, на мелководье, но может выходить и на берег. Правда, неуклюже, что делает его прекрасной мишенью. Обязательно отмечу это в своём докладе. Конечно, конструкторам хочется создать универсальную машину, но ведь не в ущерб же функциональности. Впрочем, если что, на атоллах Тихого океана нам с этими машинами не будет равных. Если английские или американские конструкторы не разрабатывают аналогичную машину...

Внезапно у двери раздался звонок. Ожил аппарат внутренней связи. Я подошёл, снял телефонную трубку:

– Генерал Ананьев слушает.

– «Како Люди Живете?» – в трубке голос великого князя. Запрашивает меня обстановку старым военно-морским кодом, принятым ещё при Петре Великом.

– «Наш Хер Тверд!» – бойко ответил я.

– Тогда проверь со своими людьми склад крылатых ракет. Он находится через два помещения от вас.

– Мои люди механики, а не оружейники, ваше высочество.

– Установите дополнительные крепления, для этого не нужна квалификация. Ракеты в разобранном состоянии, в ящиках, а твои люди имеют допуск. Кстати, твой личный пломбир с тобой?

– Так точно.

– Тогда всё в порядке! Смело снимай пломбу, поставьте свою. Снятую пломбу представишь мне... Господи! Ну что за дурдом на колёсах, Артём!

– Крепитесь, ваше высочество, – закончил я и положил трубку.

Повернулся к своим людям:

– Получено новое задание от командования! Спецназ, за мной!

Это была фигура речи. На самом деле я вышел последним, закрутил кремальеры, опечатал дверь пломбой. И только после этого повёл подчинённых в один из арсеналов корабля... и наткнулся на часового, вскинувшего при нашем появлении короткоствольную штурмовую винтовку Калашникова седьмой модели:

– Стоять! Пароль!

Дурдом на колёсах, это точно. Разумеется, его никто не предупредил, и он был в своём праве.

– Спокойно, матрос! На корабле аврал, нас послали проверить состояние арсенала, но забыли предупредить, что здесь выставлен пост. Сейчас мы выйдем и вернёмся только с твоим разводящим или начальником караула.

Мы плавно развернулись и один за другим вышли вон. Материться в форс-мажоре считается ниже достоинства российского спецназа. И подчинённые оказались на высоте, в отличие от начальника. Начальник же выдал в телефон внутренней связи длинную тираду, в которой ёмко характеризовалась обстановка на корабле вообще, в трюме в частности, давалась оценка интеллектуальным (тьфу, умственным) способностям руководителей среднего звена и предлагался оригинальный способ использования крылатых ракет, если через пять минут в трюм не спустится начальник караула. Начальник караула объявился через десять минут.

Ракеты действительно были в заводской упаковке – длинных ящиках зелёного цвета, маркированных надписью «Императорские Олонецкие оружейные мануфактуры». Они были надёжно принайтовлены к полкам. С места их можно было сорвать только вместе с частью переборки. И всё-таки мы их прикрепили дополнительными стяжками.

В глазах подчинённых читалась надежда, что уж над ними господин генерал смилуется и разрешит вживую увидеть такое редкое зрелище, как посадка космолёта на авианосец. Но я был неумолим. В случае аварии ни я, ни они ничем помочь не сможем, а вот запутаться в ногах у профессионалов – вполне. Сам же поднялся на «башню». Если время от времени не злоупотреблять служебным положением, то на кой оно тогда нужно!

Как и предупредил меня великий князь, на мостике был дурдом на колёсиках. По сравнению с нормальной корабельной суетой. Хотя технически посадить космолёт на палубу авианосца гораздо проще, чем выстроить над этой палубой самолёты в несколько эшелонов, но космолёт просто не может сделать второй заход на посадку. Ответственность пригибала людей к палубе (ну не к земле же!), жгла нервы...

Чтобы не путаться под ногами у занятых делом людей, я отыскал угол, из которого была видна полётная палуба и в котором никто не пытался оттоптать мне ноги.

Авианосец уже развил полный ход и выдерживал курс с точностью до минуты. Ветер под острым углом к носу корабля, но развернуться по ветру не было никакой возможности: космолёт заходил на посадку тоже по выверенному и рассчитанному курсу. Оставалось надеяться, что «Корвет» окажется слишком массивным для ветра.

Внезапно один каптри, спокойно сидевший до этого за небольшим пультом недалеко у моего закутка (*бьюсь об заклад, именно от этих нескольких неподвижных фигур на мостике всё и зависело!*), подпрыгнул и что-то забормотал себе под нос. Я подошёл, заглянул из-за спины.

– Старая испанская калоша «Валенсия», – шипел каптри, следя за отметкой на экране радара. – Что ты делаешь здесь, старая лайба? Ищет, что не теряла, найдёт то, что не искала...

– Что случилось?

– Испанский разведчик, бывший номерной эсминец, теперь «гидрографическое» судно «Валенсия», приспособленное для радиоразведки. Вышел из вице-королевства Чили в начале наших манёвров, и вот добрались, наконец. К самому интересному, чёрт их дери.

– На эсминце? Через два океана?

– Не смешите. Конечно, они прошли через мыс Горн и мыс Доброй Надежды. Надеялись застать нас у Мадагаскара, и застали...

– А имя корабля вы узнали по засветке на экране?

– Да. Радиоразведчики всегда дают по экрану особую засветку. А о том, что в море вышла именно «Валенсия», стало известно почти месяц назад... Так, сейчас наши корабли сопровождения начнут их оттирать и забьют радиопомехами...

Я отвернулся, и как раз в это время над кормой «Святогора» в небе зажглась звезда. «Корвет» вошёл в плотные слои атмосферы. Напряжение на мостике достигло кульминации...

Космолёт был прекрасен, как прекрасны все летающие аппараты. Он снижался плавно и неторопливо, с чувством собственного достоинства. Эта плавность и неторопливость завораживали нас... и обманывали. На самом деле «Корвет» приземлялся с большой скоростью, и на секунду у наводящих операторов возникла мысль, что скорость катамарана недостаточна и палубы не хватит для приземления. Ведь космолёт нельзя поймать на посадочный трос, как простой самолёт. Великий князь прорычал что-то неразборчивое в трубку внутреннего телефона, хотя к тому времени машины корабля выжимали из себя всё, что возможно. Теперь они пытались выдавить то, что невозможно.

«Корвет» всё с той же плавностью и неторопливостью приподнял нос, на миг развернувшись к зрителям треугольным днищем. Гасил остаточную скорость. В следующую секунду провалился на несколько метров вниз, выпустил шасси, коснулся палубы... и вдруг оказалось, что он несётся вперёд с бешеной скоростью. Сердце у меня ёкнуло, рядом звучно сглотнул один из флотских офицеров. Казалось, что сейчас машина стоимостью в десять миллионов золотых рублей пробежит палубу до конца и упадёт в море. В это время экипаж включил реверс двигателей, и космолёт стал замедляться всё больше и больше, и наконец остановился в пяти метрах от конца палубы. Его тут же со всех сторон стали «пеленать» техники, одетые в асбестовые костюмы. Когда космолёт окончательно остынет и экипаж покинет кабину, его отбуксируют ближе к середине и укрепят рядом с «башней». Там он и пробудет всю дорогу до Цейлона.

На мостике все облегчённо вздохнули. Мы смеялись, хлопали друг друга по плечу, пожимали руки.

– Господа! А вы заметили – корабль даже не покачнулся!

– Если бы на нас попытались посадить старый «Буран», он нас раздавил бы! А «Корветы», они небольшие...

– Господа офицеры! – услышав великого князя, все как по команде вытянулись. – Поздравляю вас с выполнением высочайшего приказа! Это было непростое задание.

– Служим Его Императорскому Величеству! – ответили все в два десятка лужёных офицерских глоток.

– Государю Императору Николаю Алексеевичу многая лета! – провозгласил Георгий.

– Ура! Ура!! Ура!!! – разнеслось над океаном.

– Надо послать за корабельным священником, отслужить благодарственный молебен, – вспомнил старший офицер корабля.

Его поддержали со всех сторон.

– Накрылся мой отдых, господа офицеры, – притворно вздохнул я. – Теперь, когда полётов не будет до самого Цейлона, мне предстоит гонять своих «коньков» по палубе с утра и до вечера... Когда ещё удастся попрактиковать спецназ на штурм космолёта...

Громкий хохот был мне ответом.

Сергей Удалин Уже подписан ордер

*Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня – немного помоложе;
Влюблённого – не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом – хоть с тобой,
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Внезапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же...*

Александр Пушкин. Моцарт и Сальери

Октябрь 1929 г.

По Денежному переулку со стороны Арбата бежит черноволосый молодой человек в распахнутом пальто. Шляпу он то ли потерял, то ли вовсе не надевал. Дорогие твидовые брюки почти до колен забрызганы грязью, но бегущий этого не замечает. Чёрные лаковые штиблеты разбрасывают во все стороны воду из глубоких осенних луж.

Пот заливает ему глаза. Он по-рыбьи хватая ртом воздух, так что видны металлические коронки передних зубов. Ноет раненая нога, словно почуяв приближение к тому месту, где он впервые узнал, что такое настоящая боль.

Одиннадцать лет назад он точно так же бежал по этому переулку. Наверное, даже быстрее, потому что был молод и здоров. А ещё потому, что хотел предотвратить убийство, которое повлечёт за собой множество других смертей.

Сейчас от быстроты зависит его собственная жизнь, и бегун – или уже можно сказать беглец? – не сбавляет скорости. Только бы добраться до дома, подняться на пятый этаж, зайти в квартиру и убедиться, что злополучной книги там всё-таки нет, что Радек просто ошибся, перепутал.

Или пошутил? Он ведь такой весельчак, вся Москва смеётся над его каламбурами и анекдотами. Но нет, некоторыми вещами – а также именами – не шутят. Да и книга на самом деле была, хотя и пропала куда-то ещё в константинопольском порту. А самое главное, Карл утверждает, будто бы Яков – так зовут беглеца – сам ему эту книгу показывал.

И вот тут начинается самое страшное. Тот кошмар, что преследует Якова уже одиннадцать лет, даже чуть больше, заставляя порой сомневаться в собственной вменяемости, вынуждая верить во всякую чертовщину. На самом деле Яков никому не показывал книгу. Он готов поклясться чем угодно, что и сам её с тех пор не видел. Как не делал и ещё многое из того, что ему приписывают.

Но что будет стоить его убеждённости против показаний свидетелей? Особенно на Лубянке. Уж Якову-то, одному из старейших сотрудников ВЧК, прекрасно известно, как быстро там у людей меняются убеждения. И сам трюк с тайным посланием от врагов революции, якобы найденным в безобидной с виду книжке, тоже хорошо знаком. Но даже сожги сейчас Яков тот опасный подарок или не отыщи его вовсе, это уже ничего не изменит. Радек наверняка уже сообщил куда следует, Ягода или Трилиссер уже подписывают ордер.

От этой мысли ноги делаются ватными. Яков останавливается возле самого подъезда. С кончика мясистого иудейского носа падают тяжёлые капли пота, широкая грудь пытается

ухватить лишнюю порцию воздуха, в висках настойчиво бьётся рефреном: уже, уже, уже. И только память ещё не сдаётся, пытается выцепить из прошлого какую-нибудь подсказку. Что-то такое, чего раньше не заметил, не понял, не придал значения.

Июнь 1929 г.

Тот же самый человек неторопливо идёт по константинопольской набережной Серкеджи. На нём такой же дорогой костюм. Голова мужчины так же непокрыта, но узнаешь его далеко не сразу – мешает ухоженная чёрная борода. Вокруг мельтешат уличные торговцы, посредники, сводники и просто попрошайки. Но торговец антиквариатом Якуб Султан-заде – именно так написано в его паспорте – не собирается ничего покупать.

Через сорок минут пароход отчалит от пристани, багаж давно перенесён в каюту, осталось только проститься с этим ярким, шумным, но удивительно спокойным городом. Ещё раз напоследок насладиться ощущением свободы, собственной неприметности, неузнанности.

Там, куда он уплывает, его – под другим именем – знали все. О нём писали в газетах и даже слагали стихи:

Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла...

Тяжеловесные строки, больше подходящие для эпитафии. И кому какое дело, что в действительности всё было совсем не так. Люди верят написанному, но ещё больше – придуманному ими самими.

Намётанный глаз Якуба улавливает в толпе нечто такое, отчего ощущение свободы сразу пропадает. Возле трапа терпеливо переминается с ноги на ногу пожилой человек с ярко выраженной славянской, буржуазно-профессорской внешностью: пенсне на носу, борода клинышком, летний костюм в полоску, тросточка и шляпа-канотье. Всё это – включая лицо незнакомца – далеко не первой свежести. Типичский эмигрант, у которого не хватило средств добраться до Парижа. И какого чёрта ему здесь понадобилось?

Десну под вставными передними зубами начинает дёргать – верный признак надвигающихся неприятностей. Яков поспешно отворачивается, надеясь проскочить к недалёкому уже трапу. Но тут же слышит звонкий, хоть и несколько дребезжащий возглас на русском языке:

– Доброе утро, Яков Григорьевич! Позвольте вас отвлечь на пару минут?

Отвлекаться молодому человеку совсем не хочется, уже потому лишь, что его сейчас зовут не Яковом Григорьевичем. Но гораздо неприятней другое – хотя внешность у настырного господина весьма характерная, Яков видит его впервые в жизни. И обстоятельства не располагают к новым знакомствам. Лучше сделать вид, будто это кричат совсем не ему, на незнакомом языке. Но проклятый старик не унимается:

– Яков Григорьевич, голубчик, куда же вы? У меня к вам важный разговор!

Притворяться дальше бессмысленно. Яков и так чувствует, как вокруг него образуется пустота, быстро заполняемая косыми любопытствующими взглядами. Кажется, даже минареты Голубой мечети и Айя-Софии вытянули шеи, чтобы получше рассмотреть странную парочку – молодого азербайджанского купца и пожилого русского профессора, что встретились случайно в константинопольском порту. Вот только случайно ли?

Яков разворачивается и раздражённо отвечает, подстраиваясь под старорежимные манеры незваного собеседника:

– Что вам угодно, сударь? Не имею чести вас знать.

Старика отбрасывает в сторону, он густо краснеет, словно только что прилюдно получил пощёчину.

– Помилуйте, Яков Григорьевич, мы же недавно познакомились у Льва Давидовича.

Слова повисают в воздухе. Ещё мгновение, и они вспыхнут огненными буквами, подобно пророчеству на пиру Валтасара. Теперь наступает черёд Якова отшатнуться. С той лишь разницей, что молодой человек, наоборот, бледнеет. Речь, разумеется, может идти только об одном Льве Давидовиче, но его Яков не видел больше года. А это значит...

Провокация? Но чья, с какой целью? А вдруг это вернулось оно? Загадочное, необъяснимое, чему он так и не придумал названия, хотя сталкивался многократно. То, что мучило его долгие годы, но в последнее время за важными делами слегка подзабылось.

Началось всё ещё в перевернувшем вверх дном всю Россию семнадцатом.

Беспокойная память мгновенно отправляет Якова туда, куда он всегда стремился вернуться – в город солнца, моря и каштанов, в пору бесшабашной юности и дерзких мечтаний.

Ноябрь 1917 г.

Вот они – каштаны, только их пожелтевшие пальчатые листья давно облетели, и аромат жареных плодов унесло ветром. А вот солнцем и морем даже не пахнет. Пахнет свежемороженой рыбой, скользкой и противной, как этот уныло моросящий дождь. Что поделаешь, осень случается даже в Одессе.

Возле дома Навроцкого, что на Ланжероновской улице, напротив Оперного театра, стоит коренастый еврейский юноша в потёртом лапсердаке и с непокрытой головой. По этой привычке ходить без головного убора проще всего признать в нём Якова. Волосы промокли, струйки холодной воды медленно стекают за шиворот, но пухлые губы невольно растягиваются в улыбку. Он только что вышел из редакции газеты «Одесский листок» с гордостью в сердце и первым гонораром в кармане – два рубля восемь копеек.

Но деньги – ерунда. Куда важнее признание его таланта, исключительности. Ещё третьего дня Лёвка Швехвель потешался над ним:

– Яша, дорогой! – говорил этот босяк. – Сделай мне приятно, прогуляйся по Ришельевской до кофейни Оникко. Кажется, у ней до сих пор не разбита витрина. Встань против неё, полюбуйся на своё отражение, а потом вернись и скажи откровенно: где ты там увидел поэта? Тебе не нравится работать у братьев Аврич, да боже ж мой, пойдёшь и поработаешь у братьев Шаповаловых. Тоже почтенное занятие. А стишки сочинять – я тебя умоляю.

Одно время Яков и вправду работал на фабрике братьев Аврич, а про налётчиков братьев Шаповаловых по городу ходило не меньше слухов, чем про самого Мишку Япончика. Попасты в одну из банд мечтала чуть ли не половина парней с Молдаванки, две трети Слободки и вся Пересыпь. Потому как ни на что другое, кроме выпить водки и помахать кулаками, они в этой жизни не способны. А у Якова – поэтический дар. И это сказала не тётя Лея со Столбовой улицы, а редактор солидной газеты.

Ничего-то этот Лёвка не понимает! Яков не собирается соперничать ни с притчами царя Соломона, ни с псалмами царя Давида. Сейчас другое время, и нужны другие песни. Налётчиками нынче никого не удивишь. А вот стать певцом революции – первым и, значит, лучшим – это звучит гордо.

Размеренный цокот лошадиных копыт по мостовой неожиданно прерывается, и прямо перед Яковым останавливается пролётка. Четверо мужчин, наружностью напоминающих тех, о ком юный поэт только что думал, смотрят на него с откровенным неодобрением.

Яков отступает на шаг, оглядывается и понимает, что бежать некуда. Улица внезапно опустела, ворота соседних дворов закрыты.

– Яшка, дрек мит фефер! – кричит налётчик в кожаной куртке, из-за обшлага которой выглядывает рукоять маузера. – Мы полгорода проехали, все шалманы обошли, а он театр собрался смотреть. Садись скорей, Япончик ждать не любит.

Справившись с испугом, Яков вспоминает, как Лёвка однажды на Привозе показал на этого человека и назвал его Меером Зайдером из банды Япончика. А потом начал хвастаться, что знаком со многими налётчиками. Яков тогда решил, что Лёвка по обыкновению привирает.

Выходит, что зря. Не только знаком, а ещё и замолвил словечко за товарища. Иначе с чего бы вдруг Меер его позвал? И куда позвал-то?

– Я... я сейчас, – бормочет Яков и запрыгивает в пролётку.

– Очухался, – уже беззлобно ворчит Меер и вдруг снова хмурится. – А ствол твой где? У девочек позабыл?

Его спутники дружно гогочут. Яков смущённо молчит, как будто он и вправду обязан ходить по городу с оружием и ждать, когда его позовут на дело.

– Ладно, держи! – Меер протягивает ему тяжёлый наган, а потом небрежно сплёвывает на тротуар. – Но шоб это у меня в последний раз.

Яков благодарно кивает. А пролётка уже мчит его к родной Молдаванке. Но молодой человек не смотрит по сторонам, занятый новым волнующим ощущением зажатого в руке боевого оружия. Не замечает, как в хвост пролётки пристраивается ещё одна, а за ней – запряжённая парой чубарых кляч телега.

Караван останавливается на Дальницкой улице возле длинного бревенчатого сарая, в котором нетрудно распознать склад. Одетый в чёрное пальто коренастый брюнет с жёсткими усиками и бульдожьим лицом командует налётчиками. Через мгновение все разбегаются в разные стороны, только Меер на ходу легонько подталкивает Якова в спину:

– Постоишь сегодня на шухере, шоб больше не опаздывал.

И молодой человек остаётся один на притихшей улице. Если бы не стук собственного сердца, Яков решил бы, что оглох.

Проходят томительные, полные бездумного, но тревожного ожидания минуты, и вдруг вдалеке раздаются чьи-то шаги. Из-за поворота показывается тёмная фигура в длиннополой одежде, останавливается и поднимает руку. Не иначе, как с пистолетом.

Яков неуклюже тянется рукой за пазуху, нащупывает холодную рукоять нагана и направляет ствол на прохожего. Тот, подобрав полы, даёт стрелкача вдоль забора за угол. Яков с запозданием давит на изогнутый зуб спускового крючка.

Тишина разлетается на обломки разнообразных звуков. В ушах, пропадая и возвращаясь, звенит эхо выстрела. Вдоль по Дальницкой и окрестным улицам проносится волна заливающего собачьего лая. За спиной скрипит дверь. Из сарая выбегают налётчики. Последним вразвалочку выходит усатый, и Яков догадывается, что это и есть Япончик.

– Шо случилось, Яша? – озираясь, спрашивает Меер.

Яков пытается объяснить, что он просто растерялся с непривычки.

– Там человек стоял... А в руке у него...

– Яша, сделай уже шо-нибудь своим нервам. В прошлый раз ты тоже шмальнул, когда не просили, но хотя бы попал.

Яков так растерян, что не слышит хохота налётчиков. Ведь не было же никакого прошлого раза! Кто сошёл с ума – он один или все эти люди?

– Хватит ржать, жеребцы! – негромко, но жёстко объявляет Япончик. – Дайте наконец выспаться трудовому народу. Быстро грузим добро и уходим. А потом к девочкам на Запорожскую.

Вдруг его усики начинают подтягиваться к щекам, а бульдожье лицо кривится в ухмылке.

– Ты с нами, Яша? – спрашивает он, но не выдерживает и хрюкает, задыхаясь от смеха: – Или уже отстрелялся?